

Любор Нидерле

**СЛАВЯНСКИЕ
ДРЕВНОСТИ**

Традиция, религия, культура

Любор Нидерле

Славянские древности

«ИП Карелин»

2010

Нидерле Л.

Славянские древности / Л. Нидерле — «ИП Карелин»,
2010 — (Традиция, религия, культура)

Работа выдающегося чешского археолога-слависта конца XIX – начала XX века Любора Нидерле «Славянские древности» – «классика жанра». Это единственная в своем роде подлинная энциклопедия истории и культуры древних славян. На этот капитальный труд ссылаются в своих работах все исследователи в данной области, без него невозможно обойтись при изучении жизни древних славян. Данное издание представляет собой краткое авторское изложение многотомного издания «Славянских древностей». Печатается по изданию: Нидерле Л. Славянские древности. – М.: Издательство иностранной литературы, 1956.

Содержание

Книга первая История древних славян	5
Часть I Праславянское единство: его происхождение и развитие	5
Глава I Происхождение славян	5
Глава II Прародина славян	11
Глава III Первые исторические известия о славянах и наименования последних	18
Глава IV Дифференциация славян	23
Часть II Происхождение южных славян	25
Глава V Теории южного движения славян	25
Раннее продвижение славян к Дунаю в конце V века	28
Движение славян на Балканский полуостров и его оккупация	33
Новый этнический состав населения в Венгрии и на Балканах	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Любор Нидерле

Славянские древности

Книга первая История древних славян

Часть I Праславянское единство: его происхождение и развитие

Глава I Происхождение славян

Вплоть до конца XVIII века наука не могла дать удовлетворительного ответа на вопрос о происхождении славян, хотя он уже тогда привлекал внимание ученых. Об этом свидетельствуют относящиеся к тому времени первые попытки дать очерк истории славян, в которых был поставлен этот вопрос. Все утверждения, связывающие славян с такими древними народами, как сарматы, геты, аланы, иллирийцы, фракийцы, вандалы и т. д., утверждения, появляющиеся в различных хрониках с начала XVI века, основываются лишь на произвольном, тенденциозном толковании священного писания и церковной литературы или на простой преемственности народов, которые когда-то населяли ту же территорию, что и современные славяне, либо, наконец, на чисто внешнем сходстве некоторых этнических названий.

Так обстояло дело до начала XIX века. Лишь немногие историки смогли подняться над уровнем науки того времени, при котором решение вопроса о происхождении славян не могло быть научно обосновано и не имело перспектив. Положение изменилось к лучшему только в первой половине XIX века под влиянием двух новых научных дисциплин: сравнительного языкознания и антропологии; обе они внесли новые позитивные факты.

История сама по себе безмолвна. Нет ни одного исторического факта, ни одной достоверной традиции, ни даже мифологической генеалогии, которые помогли бы нам ответить на вопрос о происхождении славян. Славяне появляются на исторической арене неожиданно как великий и уже сформировавшийся народ; мы даже не знаем, откуда он пришел и каковы были его отношения с другими народами. Лишь одно свидетельство вносит кажущуюся ясность в интересующий нас вопрос: это известный отрывок из летописи, приписываемой Нестору и сохранившейся до нашего времени в том виде, в котором она была написана в Киеве в XII веке¹; этот отрывок можно считать своего рода «свидетельством о рождении» славян.

Первая часть летописи «Повесть временных лет»² начала создаваться, по крайней мере, столетием раньше. В начале летописи приведен довольно подробный легендарный рассказ о расселении народов, которые когда-то пытались воздвигнуть вавилонскую башню в земле Сеннаар. Эти сведения заимствованы из византийских хроник VI–IX веков (так называемой «Пасхальной» хроники и хроники Малалы и Амартола); однако в соответствующих местах названных хроник нет ни одного упоминания о славянах. Этот пробел, очевидно, задел славянского летописца, достопочтенного монаха Киево-Печерской лавры. Он захотел восполнить его, поставив свой народ среди тех народов, которые, согласно традиции, жили в Европе; поэтому в порядке разъяснения он присоединил название «славяне» к имени иллирийцев – иллиро-славяне³. Этим дополнением он включил славян в историю, даже не изменив традиционное число 72 народов. Именно здесь иллирийцы были впервые названы народом, родственным славянам, и с этого времени эта точка зрения в течение долгого времени являлась господствующей при

изучении истории славян. Славяне пришли из Сennaара в Европу и поселились сначала на Балканском полуострове. Там и нужно искать их колыбель, их европейскую прародину, в землях иллирийцев, фракийцев, в Паннонии, на берегах Дуная. Отсюда позднее вышли отдельные славянские племена, когда распалось их первоначальное единство, чтобы занять свои исторические земли между Дунаем, Балтийским морем и Днепром.

Эта теория была принята сначала всей славянской историографией, и в частности старой польской школой (Кадлубек, Богухвал, Мержва, *Chronica Polonorum*, *Chronica principum Poloniae*, Длугош и т. д.) и чешской (Далимил, Ян Маригнола, Пшибик Пулкава, Гаек из Либочан, Б. Папроцкий); в дальнейшем она обросла новыми домыслами⁴.

Затем появилась новая теория. Мы не знаем, где именно она возникла. Следует полагать, что она возникла вне упомянутых школ, ибо впервые мы встречаемся с этой теорией в Баварской хронике XIII века и позднее у немецких и итальянских ученых (Flav. Blondus, A. Cossius Sabellicus, F. Irenicus, B. Rhenanus, A. Krantz и т. д.). От них эту теорию приняли славянские историки Б. Ваповский, М. Кромер, С. Дубравиус, Т. Пешина из Чехорода, Я. Бековский, Я. Матиаш из Судет и многие другие. Согласно второй теории, славяне якобы продвинулись вдоль побережья Черного моря на север и первоначально поселились в Южной России, где истории известны были вначале древние скифы и сарматы, а позднее аланы, роксоланы и т. д. Отсюда и возникла мысль о родстве этих племен со славянами, а также представление о балканских сарматах как о предках всех славян. Продвигаясь дальше на запад, славяне якобы разделились на две основные ветви: южные славяне (на юг от Карпат) и северные (на север от Карпат).

Так вместе с теорией первоначального разделения славян на две ветви появились балканская и сарматская теории; обе они имели своих восторженных последователей, обе продержались вплоть до наших дней. Еще и теперь нередко появляются книги, в которых древнейшая история славян основана на отождествлении их с сарматами или с фракийцами, даками и иллирийцами. Тем не менее уже в конце XVIII века некоторые ученые поняли, что подобные теории, основывающиеся лишь на предположительной аналогии различных народов со славянами, не имеют никакой ценности. Чешский славист Й. Добровский писал в 1810 году своему другу Копитару: «Меня радуют такие исследования. Только я прихожу к совершенно другому выводу. Все это доказывает мне, что славяне не являются даками, гетами, фракийцами, иллирийцами, паннонцами... Славяне – это славяне, и наиболее близки им литовцы. Итак, их нужно искать среди последних на Днепре или за Днепром»⁵.

Некоторые историки придерживались тех же взглядов еще до Добровского. После него Шафарик в своих «Славянских древностях» опроверг взгляды всех предшествующих исследователей. Если в своих ранних трудах он находился под большим влиянием старых теорий⁶, то в «Древностях», вышедших в 1837 году, он отверг, за некоторыми исключениями, эти гипотезы как ошибочные. В основу своей книги Шафарик положил тщательный разбор исторических фактов. Поэтому его труд навсегда останется основным и незаменимым пособием по данному вопросу, несмотря на то что проблема происхождения славян в нем не разрешена – такая задача превышала возможности самого строгого исторического анализа того времени.

Другие же ученые обратились к новой науке – сравнительному языкознанию, чтобы в ней найти ответ, который не могла им дать история. Взаимное родство славянских языков допускалось еще в начале XII века (см. Киевскую летопись), однако еще долгое время была неизвестна подлинная степень родства славянских языков с остальными европейскими языками. Первые попытки, предпринятые в XVII и XVIII веках, выяснить это (G.W. Leibniz, P.Ch. Levesque, Freret, Court de Gebelin, J. Dankowsky, K.G. Anton, J. Chr. Adelung, Iv. Levanda, B. Siestrzencewicz и др.) имели тот недостаток, что были либо слишком нерешительными, либо просто необоснованными. Когда В. Джонс в 1786 году установил общее происхождение

санскрита, галльского, греческого, латинского, немецкого и древнеперсидского языков, он не определил еще место славянского языка в семье этих языков.

Только Ф. Бопп во втором томе своей известной «Сравнительной грамматики» («Vergleichende Grammatik», 1833) решил вопрос о взаимоотношении славянского языка с остальными индоевропейскими языками и тем самым дал первый научно обоснованный ответ на вопрос о происхождении славян, который безуспешно пытались разрешить историки. Решение вопроса о происхождении языка является одновременно ответом на вопрос о происхождении народа, говорящего на этом языке.

С этого времени возникло много споров об индоевропейцах и о сущности их языка. Были высказаны различные взгляды, которые в настоящее время справедливо отвергнуты и потеряли всякую ценность. Одно лишь доказано, что ни один из известных языков не является предком остальных языков и что никогда не существовал индоевропейский народ единой несмешанной расы, который имел бы единый язык и единую культуру. Наряду с этим приняты следующие положения, лежащие в основе наших нынешних взглядов.

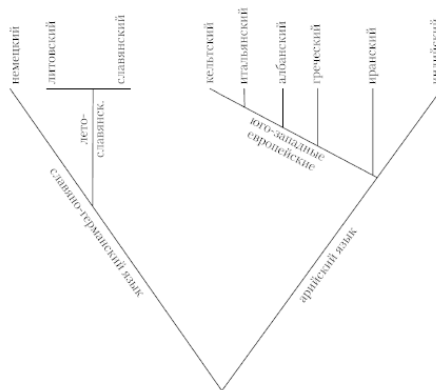
1. Когда-то существовал общий индоевропейский язык, который, однако, никогда не был в полной мере единым.

2. Развитие диалектов этого языка привело к возникновению ряда языков, которые мы называем индоевропейскими или арийскими. К ним относятся, не считая языков, бесследно исчезнувших, греческий, латинский, галльский, немецкий, албанский, армянский, литовский, персидский, санскрит и общеславянский либо праславянский, который в течение довольно длительного времени развился в современные славянские языки. Начало существования славянских народов относится именно к тому времени, когда сложился этот общий язык.

Процесс развития этого языка еще неясен. Наука пока еще не продвинулась настолько вперед, чтобы с должной полнотой осветить этот вопрос. Установлено лишь, что формированию новых языков и народов способствовал ряд факторов: стихийная сила дифференциации, местные различия, возникшие в результате изоляции отдельных групп, и, наконец, ассимиляция инородных элементов. Но в какой мере каждый из этих факторов способствовал возникновению общего славянского языка? Этот вопрос почти не разрешен, а поэтому история общеславянского языка и поныне не выяснена.

Развитие арийского праязыка могло происходить двумя путями: либо путем внезапного и полного отрыва разных диалектов и говорящих на них народов от материнского ствола, либо путем децентрализации, связанной с формированием новых диалектных центров, которые изолировались постепенно, не отрываясь полностью от первоначального ядра, то есть не утрачивая связи с остальными диалектами и народами. Обе эти гипотезы имели своих приверженцев. Родословная, предложенная А. Шлейхером, как и родословная, составленная А. Фиком, хорошо известны; известна также теория «волн» (Übergangs-Wellen-Theorie) Иоганна Шмидта. В соответствии с различными концепциями менялся, как это видно из двух представленных ниже схем, и взгляд на происхождение праславян.

Родословная А. Шлейхера, составленная в 1865 году

Родословная А. Фика

Тем не менее можно считать, что установлены все же некоторые существенные данные, позволяющие в настоящее время объяснить возникновение славян следующим образом.

Когда различия в индоевропейском языке стали возрастать и когда эта большая языковая общность стала распадаться на две группы – языки сатем (satem) и кентум (centum), – праславянский язык, соединенный с пралитовским языком, довольно долго входил в первую группу, так что он сохранил особое сходство с древнефракийским (армянским) и индо-иранским языком. Связь с фракийцами была наиболее тесной в окраинных областях, где позднее жили исторические даки. Предки германцев были в группе народов кентум среди ближайших соседей славян. Об этом мы можем судить по некоторым аналогиям в славянском и немецком языках.

В начале второго тысячелетия до н. э. все индоевропейские языки, по всей вероятности, уже сформировались и разделились, так как в течение этого тысячелетия на территории Европы и Азии появляются некоторые арийские народы как уже сложившиеся этнические единицы. Будущие литовцы были тогда все еще объединены с праславянами. Славяно-литовский народ и поныне представляет (за исключением индо-иранских языков) единственный пример первобытной общности двух арийских народов⁷; его соседями всегда были с одной стороны германцы и кельты, с другой стороны фракийцы и иранцы.

После отделения литовцев от славян, происшедшего, по всей вероятности, во II или в I тыс. до н. э., славяне образовали единый народ с общим языком и лишь едва наметившимися слабыми диалектными различиями и оставались в таком состоянии вплоть до начала нашей эры. В течение первого тысячелетия нашей эры их единство начало распадаться, развивались новые языки (правда, еще очень близкие друг к другу)⁸ и возникли новые славянские народы. Таковы сведения, которые дает нам языкознание, таков его ответ на вопрос о происхождении славян.

Наряду со сравнительным языкознанием появилась еще одна наука – антропология, также принесящая новые дополнительные факты. Шведский исследователь А. Ретциус в 1842 году стал определять место славян среди остальных народов с соматологической точки зрения, основываясь при этом на форме их головы, и создал систему, в основу которой было положено изучение относительной длины черепа и величины лицевого угла⁹. Он объединил древних германцев, кельтов, римлян, греков, индусов, персов, арабов и евреев в группу «долихоце-

фальных (длинноголовых) ортогнатов», а угров, европейских турок, албанцев, басков, древних этрусков, латышей и славян в группу «брахицефальных (короткоголовых) ортогнатов». Обе группы были различного происхождения, поэтому раса, к которой относились славяне, была совершенно чужда расе, к которой относились германцы и кельты. Очевидно, что одна из них должна была быть «ариизирована» другой и принять от нее индоевропейский язык. А. Ретциус особенно и не пытался определить отношение между языком и расой. Этот вопрос возник позднее в первых французских и немецких антропологических школах. Немецкие ученые, опираясь на новые исследования немецких погребений меровингской эпохи (V–VIII) с так называемыми «Reihengraber», создали в соответствии с системой Ретциуса теорию древней чистой германской расы с относительно длинной головой (долихоцефалы или мезоцефалы) и с некоторыми характерными внешними чертами: довольно высокий рост, розовый цвет лица, белокурые волосы, светлые глаза. Этой расе была противопоставлена другая, более мелкая, с более короткой головой (брахицефалы), более темным цветом кожи, каштановыми волосами и темными глазами; главными представителями этой расы должны были быть славяне и древние обитатели Франции – кельты, или галлы.

Во Франции школа выдающегося антрополога П. Брока (Е. Нашу, Ab. Novelacque, P. Torinard, R. Collignon и др.) приняла примерно ту же точку зрения; так в антропологической науке появилась теория о двух первоначальных расах, которые когда-то заселили Европу и из которых образовалась семья народов, говорящих на индоевропейском языке. Оставалось выяснить – и это вызвало много споров, – какая же из двух первоначальных рас была арийской и какая была «ариизирована» другой расой.

Немцы почти всегда считали первую расу, длинноголовую и белокурую, расой праарийцев, и эту точку зрения разделяли ведущие английские антропологи (Thurnam, Huxley, Sayce, Rendall). Во Франции же, напротив, мнения разделились. Одни присоединились к немецкой теории (Larouge), другие же (их было большинство) считали вторую расу, темную и брахицефальную, называемую часто кельтско-славянской, первоначальной расой, которая передала индоевропейский язык североевропейским белокурым иноплеменникам. Так как основные черты ее, брахицефалия и темная окраска волос и глаз, приближали эту расу к среднеазиатским народам со сходными особенностями, то было даже высказано предположение о ее родстве с финнами, монголами и туранцами. Место, предназначаемое, согласно этой теории, праславянам, легко определить: праславяне пришли из Средней Азии, у них была относительно короткая голова, темные глаза и волосы. Брахицефалы с темными глазами и волосами заселили Среднюю Европу, главным образом ее горные области, и смешались частью с северными длинноголовыми и белокурыми соседями, частью с народами более древними, а именно с темными долихоцефалами Средиземноморья. Согласно одной версии, праславяне, смешавшись с первыми, передали им свою речь, по другой же версии, напротив, они сами восприняли их речь.

Однако сторонники этой теории туранского происхождения славян основывались в своих выводах на ошибочной или, по меньшей мере, на недостаточно обоснованной гипотезе. Они опирались на результаты, полученные при изучении двух групп источников, очень отдаленных друг от друга по времени: первоначальный германский тип был определен по ранним источникам – документам и погребениям V–VIII веков, праславянский же тип был установлен по относительно поздним источникам, так как ранние источники были в то время еще мало известны. Таким образом, сравнивались несравнимые величины – современное состояние одного народа с былым состоянием другого народа. Поэтому, как только были открыты древнеславянские погребения и выявились новые краниологические данные, сторонники указанной теории сразу же встретились с многочисленными затруднениями, в то же время углубленное изучение этнографического материала также дало ряд новых фактов. Было установлено, что черепа из славянских погребений IX–XII веков в большинстве своем такой же удлиненной формы, как и черепа древних германцев, и очень близки им; было отмечено также, что исторические доку-

менты дают описания древних славян как белокурого народа со светлыми или голубыми глазами, розовым цветом лица. Оказалось, что у северных славян (по крайней мере, у большинства из них) некоторые из этих физических черт преобладают до сего времени¹⁰.

Древние погребения южнорусских славян содержали скелеты, из которых 80–90 % имели долихоцефальные и мезоцефальные черепа; погребения северян на Пселе – 98 %; погребения древлян – 99 %; погребения полян в Киевской области – 90 %¹¹, древних поляков в Плоцке – 97,5 %, в Слабожеве – 97 %; погребения древних полабских славян в Мекленбурге – 81 %; погребения лужицких сербов в Лейбенгене в Саксонии – 85 %; в Бургленгенфельде в Баварии – 93 %¹². Чешские антропологи при изучении скелетов древних чехов выяснили, что среди последних черепа долихоцефальных форм встречались чаще, чем у современных чехов. И. Геллих установил (в 1899 году) среди древних чехов 28 % долихоцефальных и 38,5 % мезоцефальных индивидуумов; эти цифры возросли с тех пор.¹³

Можно считать, что там, где ныне наблюдается преобладание брахицефальных форм, население VIII–XII веков было мезоцефальным или даже долихоцефальным, что с каждым годом все более подтверждается новыми открытиями.

В первом тексте, в котором упоминается о славянах VI столетия, обитавших на берегах Дуная, говорится, что славяне не черные и не белые, а темные блондины: «τὰ δὲ σώματα καὶ τὰς κόμας οὐτὲ λευκοὶ ἐς ἀγὰν, ἢ ξανθοὶ εἰσίν, οὐτὲ πῃ ἐς τὸ μέλαν αὐτοῖς παντελῶς τέτραπται, ἀλλ' ὑπέρυθροὶ εἰσὶν ἅπαντες»¹⁴.

Почти все древнеарабские свидетельства VII–X веков характеризуют славян как русских (ashab); один лишь Ибрагим ибн Якуб, еврейский путешественник X века, отмечает: «интересно, что жители Чехии смуглые». Слово «интересно» выдает его удивление по поводу того, что чехи смуглые, из чего можно заключить, что остальные северные славяне в целом не были таковыми¹⁵. Впрочем, и в настоящее время среди северных славян преобладает тип блондина, а не шатена.

Некоторые исследователи, основываясь на этих фактах, приняли новую точку зрения в вопросе происхождения славян и отнесли их предков к белокурой и долихоцефальной, так называемой германской расе, сформировавшейся в Северной Европе. Они утверждали, что в течение столетий первоначальный славянский тип изменился под влиянием среды и скрещивания с соседними расами. Эту точку зрения отстаивали у немцев Р. Вирхов, И. Кольман, Т. Пеше, К. Пенка, а среди русских А.П. Богданов, Д.Н. Анучин, К. Иков, Н.Ю. Зограф; я также присоединился к этой точке зрения в своих первых трудах.

Однако проблема оказалась более сложной, чем считали раньше, и не может быть разрешена так легко и просто.

Во многих местах в славянских погребениях были найдены брахицефальные черепа, остатки темных или черных волос; с другой же стороны, необходимо признать, что современное соматологическое строение славян очень сложно и свидетельствует лишь об общем преобладании темного и брахицефального типа, происхождение которого объяснить трудно. Нельзя считать, что это преобладание было предопределено средой, его также нельзя удовлетворительно объяснить более поздним скрещиванием. Я стремился использовать данные всех источников, как старых, так и новых, и, исходя из них, пришел к убеждению, что вопрос о происхождении и развитии славян гораздо сложнее, чем его до сих пор представляли; я полагаю, что наиболее правдоподобна и вероятна гипотеза, построенная на совокупности всех этих сложных факторов.

Праарийский тип не представлял собой чистый тип чистой расы. В эпоху индоевропейского единства, когда начали увеличиваться внутренние языковые различия, на этот процесс оказали влияние уже различные расы, особенно североευропейская долихоцефальная светло-волосая раса и среднеевропейская брахицефальная темная раса. Поэтому отдельные народы,

формировавшиеся таким образом в течение третьего и второго тысячелетия до н. э., не были уже чистой расой с соматологической точки зрения; это относится и к праславянам. Нет сомнения в том, что они не отличались ни чистотой расы, ни единством физического типа, ибо они получили начало от двух упомянутых великих рас, на стыке земель которых была их прародина; самые древние исторические сведения, как и древние погребения, в равной мере свидетельствуют об этом отсутствии единства расового типа у праславян. Этим объясняются также те большие изменения, которые произошли у славян в течение последнего тысячелетия. Несомненно, предстоит еще тщательно рассмотреть эту проблему, но решение ее – я в этом убежден – может быть основано не столько на признании влияния среды, сколько на признании скрещивания и «борьбы за существование» («struggle for life») основных имеющихся в наличии элементов, то есть северной долихоцефальной светловолосой расы и средневропейской брахицефальной темноволосой расы.

Тысячи лет назад среди славян преобладал тип первой расы, поглощенной в настоящее время другой расой, более жизнеспособной.

Археология в настоящее время не в состоянии разрешить вопрос о происхождении славян. Действительно, нельзя проследить славянскую культуру от исторической эпохи до тех древних времен, когда формировались славяне. В представлениях археологов о славянских древностях до V века н. э. царит полная путаница, и все их попытки доказать славянский характер лужицких и силезских полей погребений в восточной Германии¹⁶ и сделать из этого соответствующие выводы являлись до настоящего времени безуспешными. Принадлежность названных полей погребений славянам доказать не удалось, так как связь этих памятников с безусловно славянскими погребениями до сих пор не может быть установлена. В лучшем случае можно допустить лишь возможность такого толкования¹⁷.

Некоторые немецкие археологи предполагают, что праславянская культура была одной из составных частей великой неолитической культуры, называемой «индоевропейской» или лучше «подунайской и закарпатской» с разнообразной керамикой, часть которой раскрашена. Это также допустимо, однако для этого у нас нет позитивных доказательств¹⁸, так как связь этой культуры с исторической эпохой нам совершенно неизвестна.

Глава II Прародина славян

Вопрос о прародине славян, то есть о территории, где сформировались славяне и где они обитали вплоть до своего разделения и переселения на новые земли, тесно связан с рассматривавшимся выше вопросом о происхождении славян. Прародина других индоевропейских народов, соседних славянам, могла быть определена без особого затруднения. Известно, что первоначальная территория германских племен включала Скандинавию, Данию и прилегающие к ней острова, а также прибрежную полосу между Эльбой (Лабой) и Одером (Одрой) и что эти племена заселили собственно Германию лишь в первом тысячелетии до н. э.¹ Литовцы, несомненно, почти полностью сохранили свою прародину на побережье Балтийского моря. Древние фракийцы жили, вероятно, гораздо севернее, чем обычно считают, на склонах Карпат, название которых, по Я. Розвадовскому, очевидно, фракийского происхождения (по-албански «кагре» – скала); по-видимому, фракийские племена оставались там и в историческую эпоху.

Что же касается славян, то они, очевидно, довольно долгое время обитали где-то по соседству с этими народами. На это указывает их принадлежность к индоевропейской языковой семье сатем (см. выше, с. 12), кроме того, соседство с фракийцами, особенно с северными (именовавшимися часто даками), и, наконец, тесная связь с литовцами в эпоху «литовско-славянского единства». С бассейнами каких рек связана прародина славян и каковы были ее границы – таковы первоочередные вопросы, стоящие перед исследователем древнейшей истории

славян. Это тем более важно, что в зависимости от решения этих вопросов находятся наши представления как о самом начале истории славян, так и об их первоначальной культуре. Прародину славян разные исследователи определяют по-разному, и даже между наиболее выдающимися из них нет согласия по данному вопросу.

В то время как Я. Пейскер, историк и социолог, считает, что прародина славян находится в болотах у Рокитны (в бассейне Припяти), а Н. Ростафинский значительно расширяет ее границы к югу и востоку за счет обширных и плодородных областей, русский историк В.О. Ключевский ищет ее на Дунае; чешский же археолог И.Л. Пич, искавший ее сначала в Подунавье и Венгрии, в своих последних работах определяет ее между Эльбой и Вислой; наконец, два выдающихся славянских лингвиста Я. Розвадовский и А.А. Шахматов ищут прародину славян севернее, в долине Двины вплоть до озера Ильмень². Я уже не говорю о разных «автохтонистских» теориях, которые помещают праславян на территории всей Центральной Европы, на восток от Роны и Рейна. Хотя эти теории научно совершенно не обоснованы, они тем не менее удерживаются до настоящего времени.

Однако оставим эти теории в стороне; я подробно изложил их в своих «Славянских древностях»³, здесь они неуместны, ибо бесполезность их совершенно очевидна. Первый вопрос формулируется так: к северу или к югу от Карпат находилась прародина славян? По этому вопросу долгое время существовали две точки зрения: одни помещали ее на север, в древнюю Сарматия (отсюда и название этой теории «сарматская»), другие же искали ее на среднем и нижнем Дунае (отсюда название теории «дунайская»). Дунайская теория утратила свое былое значение, однако в прошлом столетии ее отстаивали многочисленные исследователи: А. Беловский, М. Погодин, Фр. Рачки, М. Дринов, Ив. Филевич, И. Пич, Дм. Самоквасов и В. Ключевский; еще и теперь она имеет своих сторонников и будет их иметь и в будущем, поэтому мы должны рассмотреть основные ее аргументы и сравнить их с аргументами, приводимыми в пользу северной прародины славян.

Главным доказательством являлась Киевская летопись, которую можно назвать «свидетельством о рождении» славян. Последнее содержится уже в начале летописи, в главе, названной «Се повести времяньных летъ, откуда есть пошла руская земля, кто въ Киеве нача первое княжити», в главе, которая была написана в XI веке, а частично уже в X веке⁴ монахом Киево-Печерской лавры, использовавшим древние церковные летописи и византийские хроники⁵. Текст гласит:

«Спустя много времени⁶ сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. И от этих славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими, где кто сел на каком месте. Так, например, одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а други назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян на дунайских и поселились среди них и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные – мазовшане, иные – поморяне.

Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами по речке, которая впадает в Двину и носит название Полота. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем – славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Семи, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась „славянская“»⁷.

Итак, по мнению автора, славяне жили когда-то на среднем Дунае и, выйдя оттуда, расселились по территории Чехии, Моравии, Германии, Польши и России. Эта точка зрения подтверждается в летописи еще дважды. В том же тексте имеется упоминание о том, что славяне

были изгнаны со своих первоначальных земель влахами (волохами), и далее добавляется в части, посвященной св. апостолу Павлу, что «ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостоль Павел; ту бо беша словене первое»⁸.

Эти три места из древнейшей славянской летописи являются, несомненно, важнейшим источником при изучении истории происхождения славян и свидетельствуют о том, какое представление об этом предмете имели сами славяне в X, XI и XII веках; они считали, что расселение различных славянских групп началось вблизи нижнего и среднего Дуная, в областях, которые назывались в то время «землями Булгар и Угров». Это представление было господствующим затем для большинства славянских историков и летописцев, в частности в Польше у Кадлубека, Богухвала и Длугоша, и сохранялось вплоть до конца XIX века. В их работах мы встречали лишь несущественные различия в деталях, касающихся точного определения границ этой прародины. Паннония часто называлась «*mater et origo omnium sclavonicarum nationum*» («матерью и началом всех славянских народов») или «*prima et vetus Slavorum sedes parens et alumna*» («первоначальная и древнейшая родина славян») ⁹. Особая традиция сообщает о том, как предки чехов, поляков и русских вышли из Хорватии и Сербии под предводительством братьев Чеха, Леха и Руса. Доказано, что подобные традиции являются всего лишь вымыслами, возникшими в чешских и польских монастырях XII и XIII веков ¹⁰. Однако, несмотря на это, русская летопись и в дальнейшем оставалась позитивной базой дунайской теории даже для самых авторитетных исследователей. Ее рассматривали как достоверную традицию, как подлинное воспоминание о землях, населенных предками славян, которое летописец записал по народному преданию. И даже Шафарик посвятил целую главу в своих «Древностях» доказательству достоверности этой традиции.

К сожалению, свидетельство Киевской летописи нельзя признать ни подлинным, ни правдивым. Это лишь часть той сети вымыслов, которую создал летописец, рассказывая об отходе славян от Вавилонской башни по дорогам через Малую Азию к Балканскому полуострову, который будто бы стал их первым местом жительства, их европейской прародиной. Отсюда отождествление древних иллирийцев со славянами, что мы и находим в летописи, отсюда также идея об их первом месте жительства на среднем Дунае, где в XII веке находились земли болгар и угров.

Утверждение русского летописца не основывается даже на народной традиции. Это чистые вымыслы, использованные летописцем, если только он сам не создал их или не воспринял от другого летописца, который был их создателем. Такой вывод вытекает не только из общей концепции летописца, из всецело библейского характера его исходных положений и из некоторых других сведений (так, например, мы узнаем, что духовенство южных славян создавало различные легенды с целью доказать древность славян в Хорватском королевстве), но и из всех фактических данных о древнейшей истории Подунавья и Балкан ¹¹.

Эта история убеждает нас в том, что иллирийцы, фракийцы, паннонцы, сарматы, галлы и другие народы, жившие когда-то в этих местах, не имеют ничего общего со славянами, что их языки были совершенно отличны от славянского языка и что до христианской эры в этих местах нет никаких следов пребывания славян. В действительности же все фактические данные заставляют нас искать прародину славян в областях, откуда началась их миграция, а именно на север от Карпат, вдали от Дуная и от Балкан. Таков вывод, к которому нас неизбежно приводят все имеющиеся сведения.

История, как я уже говорил, не нашла ни малейших следов пребывания славян по нижнему и среднему течению Дуная в период до нашей эры. Название местностей, рек, гор и самих народов, а также памятники их письменности указывают нам на распространение в этих областях иных языков, каждый из которых так же близок к славянскому, как и к любому другому индоевропейскому языку. А ведь именно в ту эпоху, в которую мы тщетно ищем славян на

Дунае, до Рима дошли уже первые сведения о славянах, сведения, в которых сообщается о большом народе, живущем по ту сторону Германии, на другом берегу Вислы, и именуемом венедами. То, что венеды должны рассматриваться как славяне, я докажу ниже¹². А пока ограничимся тем, что допустим существование славян к северу от Карпат. Мы увидим вскоре, что оттуда они постепенно продвигались к югу, к Дунаю, наконец, перешли его, но нигде в истории мы не встретим описания миграции славян в обратном направлении, то есть с юга на север.

Киевской традиции, которая помещает прародину славян на юг от Карпат и которая представляется нам совершенно неправдоподобной, мы можем противопоставить два других исторических источника, более достоверных, подлинных и значительных, явно свидетельствующих в пользу северной прародины славян. Первый источник – свидетельство анонимного Равеннского космографа (1.12): «*Sexta ut hora noctis Scytharum est patria unde Sclavinorum exorta est prosapia*». Речь идет о Скифии на северо-востоке Европы. Точно неизвестно, в каком веке жил автор этого свидетельства, но, несомненно, это было не позднее VII века; следовательно, он по времени жил ближе к событиям, связанным с началом переселения славян со своей прародины, нежели киевский летописец XII века.

Второе свидетельство содержится в кратком описании славянских народов, также анонимном, написанном, вероятнее всего, в IX веке славянским монахом одного из баварских монастырей. Этот Баварский аноним (*Anonymus Bavarus*), как его называют, включает в число народов к северу от Дуная (такая локализация подтверждается самим названием его списка) народ, названный «*Zeruiani, quod tantum est regnum ut ex eo cunctae gentes Sclauorum exortae sint et originem sicut affirmant ducant*»¹³. Правда, мы не знаем, какой народ имеет в виду Баварский аноним под названием *Zeruiani*, не является ли оно искаженным названием сарматов или сербов и не идет ли здесь речь о названии северян позднейшей Руси; во всяком случае, здесь говорится о народе, который жил к северу от Дуная и от Карпат, где-то в глубине древней Сарматии. Итак, это и есть место происхождения всех славян, определенное народной традицией IX века, традицией подлинной и ни в коем случае не вымышленной, так как ее сохранял сам народ («*sicut affirmant*»).

К этим двум свидетельствам можем добавить и третье: само представление историков VI века, согласно которому в то время, когда начали намечаться места жительства и переселения славян, они имели свою прародину где-то к северу от Дуная. Нет ни одного сообщения, которое свидетельствовало бы об обратном. Итак, очевидно, что в эпоху, когда славяне стали известны в Европе, весь мир считал их народом северного происхождения.

Лингвистические доводы, приводимые иногда сторонниками дунайской теории с целью защитить свою точку зрения, не имеют решающего значения. Сторонники этой теории ссылаются на распространенность названия Дунай¹⁴ в песнях и в топонимике славянских народов, а именно тех народов, вся история которых протекала вдали от этой реки; однако если принять во внимание те отношения, которые должны были всегда связывать поляков и русских с Подунавьем (чехи и словаки всегда были очень близки к нему), то нельзя признать эти доказательства в пользу дунайской прародины славян справедливыми и решающими. Наоборот, если для решения вопроса обратиться к исследованию всех индоевропейских языков и их взаимосвязей, то славянский язык был тесно связан, с одной стороны, с фракийским (дакийским), иранским и германским языками, а с другой стороны, с литовским и финским языками. Вряд ли можно найти более подходящую территорию, где могли бы развиваться эти разносторонние связи, чем область в районе

Закарпатья. Сам характер этой области более чем что бы то ни было другое соответствует названиям флоры и фауны, сохранившимся в древнеславянском словаре¹⁵. Напомним, кстати, выводы антропологии по вопросу о первоначальном физическом типе славян (см. с. 15–16), заключения, правда, пока еще очень неопределенные, к которым пришли археологи на осно-

вании добытых ими материалов, и разобранный выше гипотеза предстанет в еще более достоверном виде. Таковы доводы, которые, я полагаю, дают нам право отнести прародину славян на север от Карпат. Нам остается определить ее размеры и наметить, насколько возможно, ее границы. Как я уже говорил (см. выше, с. 20), сторонники северной прародины определяют ее местонахождение довольно различно: то на восток, то на запад от Вислы, и даже в низовьях Немана и Двины, вплоть до побережья озера Ильмень. Это вызвано тем, что решение этой проблемы является действительно делом трудным.

Приступая к определению области, в которой жили славяне до своего расселения, то есть около начала нашей эры, можно прежде всего считать установленным, что славяне долгое время не переходили Карпатские горы. Я не стану отрицать, что отдельные группы славян могли проникать через главные Карпатские перевалы, в частности через Яблоновский и Ужоцкий, вплоть до нынешней Словакии.

Однако народ в целом все еще оставался на территории к северу от самих гор и, естественно, от галицийских лесов, окружавших эти горы. Необходимо напомнить, что как древняя карпатская топонимика, так и исторические названия главных карпатских горных цепей (Карпаты, Татра, Фатра, Матра, Магура, Бескид) чужды славянскому языку. Однако Подолье и Волынь должны были быть славянскими уже в эпоху Геродота, судя по его сообщениям о жителях этих областей, которых он называет неврами (Νευροί) (IV. 100–118) и славянское происхождение которых вполне очевидно¹⁶.

Трудно определить, шла ли западная граница славянской прародины по Эльбе или по Висле. Определение этой границы зависит от того, удастся ли археологам выяснить этническую принадлежность полей погребений лужицко-силезского типа, упоминавшихся выше (на с. 19). Если удастся доказать славянскую принадлежность полей погребений, то старая граница прародины славян конца второго тысячелетия до н. э. продвинется до Эльбы и Заале, если же не удастся доказать это, то граница останется в области Вислы. Такова точка зрения, которую я принимаю в настоящее время. Ее подтверждает еще один лингвистический довод. Славянам было вначале неизвестно слово «бук» (*Fagus silvatica*), так как, будучи в семье индоевропейских народов, они относились к большой группе, жившей за восточной границей распространения этого дерева, то есть восточнее приблизительной линии Кенигсберг (Калининград) – Кременец – Одесса¹⁷. Однако они узнали это дерево еще в эпоху своего единства, так как приняли германское название (*Buche*), из чего можно заключить, что они достигли Вислы уже во времена до нашей эры. Перешли ли они тогда же эту реку и достигли ли Эльбы – таков вопрос, на который, как мы видели, должна ответить археология.

Однако здесь следует учесть еще одно обстоятельство. Если удастся доказать славянское происхождение полей погребений, относящихся целиком к первому тысячелетию до н. э., то надо будет предположить, что славяне, проникнув за Эльбу, были вытеснены во второй половине этого тысячелетия отчасти кельтами, двигавшимися с запада, а затем германцами с севера, так что Висла опять стала их западной границей и оставалась ею вплоть до начала великого славянского переселения. Все древние авторы сходятся во мнении, что Висла является границей Германии и Сарматии¹⁸, и нет никаких причин предполагать, что это их мнение не имеет реального основания.

В равной степени не ясна и восточная граница. Известно, что Поволжье было некогда областью распространения угро-финских народов и что их земли когда-то простирались на запад, включая полностью районы Угры, Оки, а возможно, и Дона. Лишь область Днепра относилась к славянской прародине. Название этой реки, безусловно, неславянского происхождения¹⁹, древнее название Борисфен можно лишь с трудом вывести из древнеславянского «берсть», русского «берест»²⁰. Однако имеются иные доказательства, побуждающие нас включить средний Днепр в число славянских рек. Принимая во внимание то, что в VI веке н. э. терри-

тория севернее Азовского моря, или точнее Подонье, была уже истинным средоточием славян (Прокопий, IV. 4, говорит о «бесчисленных племенах антов»: *ἐθνῶν ἀμέτρη των Ἀντῶν*), мы, несомненно, имеем право присоединить начиная с нашей эры к первоначальным землям славян среднее течение Днепра, а одновременно и его притоки Березину и Десну²¹, названия которых, бесспорно, славянские.

Полагаю далее, что будинов Геродота (*Boudínoi*, IV.21, 102, 108), вероятно, можно считать славянами. Места их жительства были где-то на Десне и в близлежащих к ней районах Подонья.²² Скифы-земледельцы, живущие между Бугом и Днепром (Herodot, IV.17, 18, 53, 54) над порогами и ведущие совершенно иной образ жизни по сравнению с подлинными скифами-кочевниками, не могли быть никем иным, кроме как предками восточных славян. В то время к Черному морю славяне проникали лишь как торговцы. Этим и объясняется древнеславянское слово «корабль», взятое из греческого *καράβιον*, – слово, которое славяне заимствовали еще до нашей эры.

На севере долины Немана и Двины были сначала литовскими; полоса бесчисленных озер и болот, тянувшаяся между Пруссией и Мазовией и дальше между притоками Нарева и Припяти, представляла естественную границу, которую позднее славяне лишь частично перешли²³. Литовская территория простиралась ранее даже на северо-восток, к верхнему течению Днепра, где и отделяла славян от западных и восточных финнов.

В какую же эпоху славяне проникли вплоть до Немана и верхнего Днепра? Известно, что в IX веке н. э. славяне прочно заселяли берега озера Ильмень и даже берега Невы и Ладожского озера; но это было в эпоху, очень отдаленную от времени существования их общей прародины и славянского единства. А. Соболевский, выдающийся русский филолог, предполагает, что сюда славяне проникли уже довольно рано, до распада языкового единства, и основывается при этом на древнеславянских формах названий *Немънъ*, лит. *Nemunas* и *Seregěrъ*, или *Seližarъ* (Селигер – название озера около Осташкова); однако его выводы вызвали возражения²⁴. Вопрос остается открытым, я же сам скорее склонился бы к отрицательному решению. По моему мнению, едва ли возможно искать северную границу славян за городом Смоленском.

Из всего сказанного вытекает, что территория, населенная славянами до их расселения, простиралась между Эльбой и средним Поднепровьем (с Десной, Припятью и Березиной), однако в эту территорию не следует включать западную часть, расположенную между Эльбой и Вислой, пока не будет доказана славянская принадлежность полей погребений в этой области, если она вообще будет когда-либо доказана. Итак, славяне во время своего этнического и языкового единства жили на территории современной восточной Польши, южной части Белоруссии (в районе среднего течения Березины, а также по течению Сожа и Ипути), в северной части Украины, Подолии, Волыни и Киевщины с Десной²⁵. Подобное размещение общеславянских мест поселения наилучшим образом согласуется с данными древних источников (Равеннского и Баварского анонимов), а также со сведениями, относящимися к I–IV векам н. э., о большом народе венедов. Равным образом доказывает нам это и изучение взаимосвязи между древнеславянским, древнеиранским, литовским и западнофинским языками. Здесь мы также встречаем природу, флору и фауну которой соответствуют тому, что нам сохранил древнеславянский словарный фонд о фауне и флоре славянской прародины. В этом отношении моя точка зрения полностью совпадает с точкой зрения Ростафинского, однако я не согласен с Пейске-ром, который проводит границу прародины славян только по Припятским болотам²⁶.

Еще один вопрос представляет определенную трудность – вопрос о названиях водных путей. Естественно было бы ожидать, что эти названия в областях, долгое время заселенных славянами, будут исключительно славянскими. Однако наиболее выдающиеся филологи постоянно подкрепляют все новыми доказательствами утверждения, что названия водных путей в древней Польше большей частью неславянского происхождения, например Висла, Виар, Нида,

Раба, Рона, Сан, Мень, Мрога, Брда, Одра, Особлога, Лабунька, Вда, Сола, Орава, Морава, Видава и т. д. Два славянских исследователя, Ян Розвадовский (Краков) и Александр Шахматов (Петроград), в особенности защищали эту точку зрения; они рассматривали большую часть этих названий как галльские. На этом основании они относили прародину славян за область нижнего Немана, в район Двины и на берега озера Ильмень; однако и здесь, к сожалению, не были обнаружены названия древнеславянского происхождения. Шахматов считал, что на Припяти и Двине жили финны, а в восточной части Повисленья – галло-венеды²⁷, славяне же якобы поселились здесь лишь в III веке н. э.

Так как все эти различные точки зрения представлены филологами в равной мере известными, то решить проблему очень трудно. Тем не менее решение должно быть найдено. В одинаковой мере нельзя допустить как кельтскую, так и финскую принадлежность вышеназванных областей, как это утверждает Шахматов, так же как нельзя полностью исключить наличие там славян. Такой путь мог бы привести к абсурдному выводу, что в Европе вообще не существует области, которую можно было бы считать славянской прародиной²⁸, так как нет области, где бы географическая терминология была чисто славянской. Пришлось бы исключить славян из числа обитателей древней Европы, предположив, что они появились здесь лишь несколькими столетиями позднее, уже в нашей эре, что, однако, невозможно с исторической точки зрения. Если бы был доказан кельтский характер висленской терминологии – напоминаю, что выводы Шахматова встретили резкий отпор со стороны некоторых выдающихся славянских филологов²⁹, – то и тогда следовало бы принять во внимание древнее заселение этих земель прото-кельтами или другими индоевропейцами в течение первого периода их развития до поселения там праславян. Однако это не исключало бы того, что славяне заняли эту территорию после распада индоевропейского единства и поселились здесь в течение второго и первого тысячелетий до н. э. Мы ищем территорию славян именно в период распада индоевропейского единства, а не ту область древней индоевропейской территории, где славянство зарождалось. Теория Шахматова, если бы она была обоснована, доказывала бы лишь то, что в определенную эпоху эта территория была заселена также кельтами, а отнюдь не то, что мы должны отказаться от поисков славянской прародины в этой области, когда есть причины, побуждающие нас к этому. Стоит лишь вспомнить о том, что, например, для славянизации терминологии восточной Германии оказалось достаточно лишь нескольких столетий.

Характер областей, где мы ищем прародину славян, хорошо известен географам. Это земли, средняя часть которых (Припятский бассейн) еще и поныне покрыта бесчисленным количеством стоячих и проточных вод и бесконечными сосновыми, буковыми, березовыми лесами, ольшанником и ивняком. Климат здесь суровый, в котором могут жить только охотники и рыболовы. К тому же эти условия два-три тысячелетия тому назад были много хуже, тогда как в настоящее время они значительно улучшены³⁰. Наиболее плодородные области, пригодные для земледелия, находились лишь на окраинах этой территории, то есть на востоке и на юго-востоке.

Народ, живущий на этих землях, должен был много трудиться, чтобы превратить болота и леса в обработанную землю. Именно эти условия способствовали развитию общественных отношений, основанных на совместном труде больших семей и на социальном равенстве. Это способствовало развитию демократии, не допускавшей концентрации политической и экономической власти в руках отдельных лиц. Еще одно обстоятельство заслуживает внимания: по всем вышеуказанным причинам этот народ долгие столетия жил в относительном покое, вне бурь, которые либо угрожали старому свету, либо потрясли его, но также и вне областей великих цивилизаций древности. Земли славян всегда были очень плохо известны грекам и римлянам. Славяне долго жили «дома» и «для себя», в стороне от чужих влияний, и потому могли

превратиться в большой народ («самый многолюдный народ» – «μέγιστον ἔθνος», говорит о них Птолемей), что не привлекали к себе особого внимания.

Такова была прародина славян, таковы были первоначальные условия их существования.

Глава III Первые исторические известия о славянах и наименования последних

Первые исторические сведения о славянах появляются относительно поздно; до нашей эры о них нет ни одного достоверного упоминания.

Однако славяне, как мы только что видели, издавна обитали в Центральной и Восточной Европе и претерпели здесь, несомненно, немало различных изменений под влиянием событий, происшедших до нашей эры и до эпохи их расселения. Однако история не сообщает нам ничего, что бы относилось непосредственно к славянам. Мы можем делать лишь косвенные предположения, что в эпоху, когда различные группы, составившие впоследствии целые племена, обитали еще совместно на общей территории, на судьбы славянства должны были оказать влияние некоторые значительные исторические события.

Так, можно предположить, что в VIII и VII веках до н. э. славяне завязали сношения с иранскими скифами, которые проникли тогда из Азии в степные южнорусские области¹. Я не колеблясь утверждаю, что среди упомянутых Геродотом северных соседей скифов не только невры на Волыни и Киевщине, но, вероятно, и будины, обитавшие между Днестром и Доном, и даже скифы, именуемые и пахарями, и земледельцами (Σκύθαι ἀροτήρες, γεωργοί) и помещенные Геродотом² к северу от собственно степных областей между верхним Бугом и средним Днестром, были, несомненно, славянами, которые испытывали влияние греко-скифской культуры, свидетельством чего являются многочисленные курганы Киевской и Полтавской областей.

С другой стороны, из сообщения Геродота о походе Дария в Скифию в 513–512 (или 507–505) годы до н. э. нам известно, что Дарий проник также в области, заселенные славянами (неврами), и вынудил их отойти к северу³. Кроме того, определенные лингвистические данные, а именно довольно значительное число кельтских названий в топонимике рек в Прикарпатье, кельтские названия городов, указанные Птолемеем (Καρρόδουνον, Ούβαντανάριον, Μαϊτώνιον, Έρακτον), и, наконец, несколько названий племен (Ομβρωνες, Τευρίσκοι, Ἀναρχοί, Βριτολάγαι), свидетельствуют о том, что земли славян в Прикарпатье подверглись, по крайней мере частично, вторжению галлов, которые в III и II веках до н. э. достигли побережья Черного моря, что доказывают Γαλάται декрета Протогена в Ольвии. Нашествие галлов было вызвано, несомненно, давлением германцев, двигавшихся с севера в центральную Германию, но каковы были судьба и продолжительность этого нашествия, остается до сего времени совершенно неизвестным. Считать этих галльских завоевателей венетами, упоминаемыми на Висле более поздними историческими источниками, представляется мне невозможным по причинам, изложенным ниже⁴.

Я полагаю также, что германские племена бастарнов и скиров, покинувшие побережье Балтийского моря и обитавшие с III века до н. э. на побережье Черного моря, проникли через территорию, заселенную славянами, примерно так же, как это делали готы в III веке н. э. Это произошло в период между смертью Геродота, который ничего не знал о них, и 240–230 годами, когда бастарны упоминаются на Дунае (28. Пролог истории Трога Помпея), то есть между серединой V и серединой III века.

Таковы наиболее значительные и достойные упоминания исторические события, коснувшиеся славян еще до начала нашей эры.

Еще одна гипотеза, однако, заслуживает особого упоминания, так как ее выводам придается большое значение при изучении основ славянской истории. Я имею в виду точку зрения Пейскера, согласно которой славянский народ еще задолго до нашей эры и вплоть до XI века н. э. находился в подчинении у различных завоевателей, то у германцев, то у тюрко-татар, и находился в постоянном и жестоком рабстве, что якобы определило его характер и придало особые черты дальнейшей его жизни и развитию⁵. Здесь я не могу подробно показать, почему эта гипотеза лишена серьезного основания, как некоторые незначительные и непомерно раздутые факты приводят автора к недопустимым заключениям; по этому вопросу я отсылаю читателя к своему труду «Zivot starych Slovanu»⁶. Здесь приведу лишь несколько данных, необходимых для ориентировки в этом вопросе.

Профессор Пейскер в основном строит свою теорию всего лишь на нескольких старославянских словах, относящихся к славянской культуре. Эти слова, заимствованные частично из германских, частично из тюрко-татарских языков, доказывают, по его мнению, что славяне в то время, пока они жили на своей общей прародине в бассейне Припяти, были подчинены то германцам, то тюрко-татарам. Такими словами являются: *млеко*, *скотъ* и *нута* (скот), с одной стороны, и, с другой стороны, *быкъ*, *вол*, *коза* и *тварогъ*. Из факта заимствования указанных слов вытекает якобы, что славянам было запрещено скотоводство и что они говорили о скоте и о молочных продуктах лишь как о привилегированной собственности своих германских или тюрко-татарских властителей. К выводу о жестоком рабстве славян Пейскер приходит на основании поздних известий о нападении тюрко-татар на славян, известий, согласно которым на Руси не было ни лошадей, ни рогатого скота⁷.

Однако, возражая Пейскеру, я уже кратко указал ранее, что предпосылки, положенные в основу его гипотезы, в большинстве своем несостоятельны во всех отношениях. Согласно целому ряду других исторических и археологических свидетельств, славяне издавна самостоятельно занимались скотоводством и имели связанную с ним собственную богатую терминологию. Немногочисленные заимствованные слова, приводимые Пейскером как действительно иноязычные⁸, подтверждают лишь то, что известно из истории, а именно, что славяне издавна жили в южной России по соседству с тюрко-татарами и были с ними тесно связаны. История вновь показывает нам, что впоследствии в течение короткого времени славянские племена пережили одно за другим вторжения гуннов, аваров, печенегов, половцев и болгар. Но из этого никоим образом не следует, что «все славяне начиная с эпохи своего единства находились в рабстве то у германцев, то у татар». Если бы доводы Пейскера и были справедливы, то и в этом случае нельзя было бы делать подобные заключения. Можно, правда, допустить, что связи славян с тюрко-татарами завязались еще до прихода аваров, а именно еще в эпоху неолита, когда за несколько тысячелетий до нашей эры смуглые брахицефалы, вышедшие из Средней Азии, наводнили Европу. Однако в ту эпоху не было еще славян: праиндоевропейский народ только формировался где-то в Центральной Европе, и славяне, не выделившиеся еще из его массы, не могли почувствовать последствия этого вторжения сильнее, чем остальная часть этой массы.

Итак, у нас нет доказательств жестокого рабства славян под германским и татарским игом ни для древнейшего периода их истории, ни для более поздних времен. Подобное рабство никогда и нигде не существовало, кроме как в воображении Пейскера, принижающего славянскую первобытность. Поэтому мы должны решительно отвергнуть его толкование начала истории славян и принять во внимание лишь те события, о которых мы упоминали в начале этой главы.

Первые достоверные известия о славянах относятся к I и II векам н. э. Славяне появляются в них под наименованием венедов (Venedi, Venadi, Veneti, Οὐενέδαι). К этим сообщениям относятся сообщения Плиния (Nat. Hist., IV.97; его труд написан около 77 года): «quidam haec habitari ad Vistulam usque fluvium a Sarmatis, Venedis, Sciris, Hirris (corr.) tradunt»;

Тацита (Tac., Germ., 46, написана в 98 году): «hic Suebiae finis. Peucinatorum Venetorumque et Fennorum nationes Germanis an Sarmatis ascribam dubito... Veneti multum ex moribus traxerunt: nam quidquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium errigitur, latrociniis pererrant, hi tamen inter Germanos potius referuntur, quia et domos fingunt, et scuta gestant et pedum usu ac pernicitate gaudent; quae omnia diversa Sarmatis sunt in plaustro equoque viventibus»;

Птолема (умер около 178 года, Geogr., III.5.7): «κατέχει δε τὴν Σαρματίαν ἔθνη μέγιστα οἱ δὲ Οὐενέδαι παρ' ὅλον τον Οὐενεδικόν κόλπον καὶ ὑπὲρ τὴν Δακίαν Πευκίνοι τε καὶ Βαστέρναι»; Geogr. III.5.8: «παρὰ τον Οὐιστούλαν ποταμόν ὑπὸ τοὺς Οὐενέδας Γύθωνες, εἴτα Φίννοι, εἴτα Σούλωνες»; Geogr., 111.56: «τὰ Οὐενεδικά ὄρη».

К этим свидетельствам следует прибавить еще и другие, несколько более поздние: во-первых, это надписи на Пейтингеровой карте, которая относится, по моему мнению, к концу III века и на которой дважды упоминаются венеды-сарматы, один раз в Дакии, другой раз между Дунаем и Днестром; во-вторых, это греческий список различных народов, составленный приблизительно в начале III века (Διαμερίσμου τῆς γῆς ἀποσπασμάτιον), в котором встречаются названия Βαρδουλοί, Κουαδροί, Βερδοί, что, очевидно, является искажением слов Βανδουλοί и Βενιδοί. И, наконец, это свидетельство Марциана в его «Перипле» (около 400 года), где опять встречается название Οὐενδικός κόλπος (II.38, 39, 40), имеющееся у Птолема. В этих первоисточниках венеды-славяне представлены как многочисленный народ (μέγιστον ἔθνος), расселившийся за Вислой между Балтийским морем (Венедский залив), Карпатами (Венедские горы) и землями *невкинов* и *феннов*.

Таковыми представляются нам славяне в первые века нашей эры. Более ранних свидетельств у нас нет. Из всех известий, привлеченных с целью возвеличить древнейшее историческое прошлое славян, только два можно считать в известной мере правдоподобными.

Прежде всего это заметки Корнелия Непота (94–24), в которых говорится об индах, занесенных бурей из «Индийского моря» (*indica aequora*) к берегам «Северного моря», где король батавов захватил их в плен и преподнес в дар в 58 году проконсулу А. Метеллу Целеру⁹. Затем это ряд древних преданий, согласно которым янтарь происходил из земли генетов или енетов, расположенной у устья реки, называемой Ериданос, позднее отождествленной с рекою По¹⁰.

Наименования *Indi* и *indica aequora* (инды и Индийское море) не могут относиться к Индии, так как бурей не могло отнести корабль из Индии к побережью Германии. Очевидно, здесь речь идет не об индах, а о другом народе с похожим наименованием, в частности о «венедках» римских авторов или о «виндах» (*Vindy*) – по-немецки *Wenden*. Что же касается легенды о происхождении янтаря, то тут следует вспомнить, что в землях итальянских «венетов» это редкое вещество не встречалось, тогда как именно Прибалтика когда-то поставляла средиземноморским странам огромное количество янтаря и торговля между ними имела место уже в течение второго тысячелетия до н. э. Можно также допустить, что традиционное представление о наличии янтаря в северной Италии (исторической Венеции) появилось в результате того, что смешивали балтийских венедов с итальянскими венетами, которые были, конечно, более известны историкам, чем первые. Однако следует признать, что подобное объяснение этих двух древних свидетельств может быть по праву отвергнуто.

Балтийские венеды были, безусловно, славянами. Имеется несколько доказательств этого. Во-первых, их места обитания в I–II веках н. э. совпадают с местами обитания славян в VI веке. Распространение славян было совсем незначительно в период переселения народов. Во-вторых – и это очень важный довод, – наименование венедов, вендов¹¹ сохранялось в немецком языке (*Wenden, Winden*) в течение всей исторической эпохи, вплоть до новейшей, как общее наименование славян. Старые деревни, которые их немецкие соседи хотели отличить от одноименных немецких деревень, обозначались в отличие от них *windisch* или *wendisch*. Наконец, Иордану, историку VI века, первым давшему очерк начала истории славян, известно, что

наименования «венд», «венед» и «славянин» употреблялись для обозначения одного и того же народа; он употребляет эти названия попеременно¹², из чего можно заключить, что в VI веке признавалось тождество славян с венедами.

Приведенные доказательства одновременно опровергают как точку зрения Тацита, который колебался, отнести ли венодов к сарматам или к германцам, и остановился, наконец, на их германском происхождении, так и археологические гипотезы Р. Муха, по мнению которого веныды были иллирийской народностью, а также последние гипотезы Шахматова и Пейскера, считающих венодов кельтами на основании якобы кельтской терминологии водных путей на территории прародины венодов¹³. Если бы эта номенклатура была действительно кельтского происхождения (а в этом можно сомневаться, по крайней мере по отношению к части этих названий), то это доказывало бы нам лишь то, что кельты когда-то проникли в эти края, очевидно, под напором германцев, продвигавшихся с севера в Германию¹⁴. Однако это никоим образом не является доказательством того, что веныды I–VII веков н. э. были кельтами. Самое большее, что можно допустить, это то, что если веныды и были кельтского происхождения, то их славянизация произошла задолго до I века н. э. Что же касается моей точки зрения, то я не сомневаюсь в том, что веныды Плиния, Тацита и Птолемея, так же как веныды Иордана, Прокопия и более поздних историков, всегда были славянами. Их наименование – венды, веныды – не было собственно славянским, а являлось, очевидно, названием чуждого происхождения, которое дали славянам их соседи. Значительная распространенность названий с основой *vind* или *vend* на землях, заселенных когда-то кельтами, дает основание предположить, что эти названия кельтского происхождения¹⁵.

Наконец, у этого многочисленного народа, населявшего в первые века нашей эры обширные земли между Вислой, Балтийским морем, Карпатами и Днестром и Десной, было в ту эпоху свое собственное местное название «славяне». Можно догадываться также о существовании еще более древнего названия *серб* (множественное число *сербы*). Эта догадка, между прочим, основана на неясном комментарии Прокопия, писавшего о славянах и антах¹⁶: «Σλόροις γάρ τὸ παλαιὸν ἀμφωτέροις ἐκάλουν ὅτι δὴ σποράδην, οἶμαι, διεσκημένοι τὴν χώραν οἰκοῦσιν».

К сообщению Прокопия можно присоединить традицию, сохранившуюся у анонимного Баварского географа IX века: «Zeruiani (речь идет о прикарпатском народе), quod tantum est regnum ut ex eo cunctae gentes Sclavorum exortae sint et originem sicut affirmant ducant»¹⁷. Очевидно, существовало название, близкое греческому Σλόροι (которое является, вероятно, сокращением Воолόροι – названия известного царства на побережье Азовского моря), однако считать, что здесь речь идет о сербах, нельзя, так как для этого слишком мало оснований. Предки исторических сербов никогда не жили за Азовским морем. Слово «сербы» (*serbi*) нигде не засвидетельствовано как общее название всех славян, и форма «*сорб*», которая якобы была исходной формой греческого слова Σλόροι, в древних источниках о восточных сербах не встречается¹⁸.

Нам осталось еще рассмотреть только одно общее подлинное и древнее наименование, а именно наименование *славяне*, *словене* (форма множ. числа; в единственном числе – *Словени*). Это название встречается в истории впервые в начале VI века у Псевдо-Цезаря Назианского¹⁹, затем около 550 года неоднократно у Прокопия и Иордана и, наконец, у более поздних историков. Не лишено вероятия утверждение, что это наименование встречается также у Птолемея в перечне племен Сарматии. Название Σουοβηνοί (Geogr., VI.14.9), употребляемое автором, действительно очень близко славянской форме *словене*, и можно предположить, что Птолемей заимствовал его из какого-то источника, даже не зная, разумеется, что это был за народ и каково было его отношение к венедам, живущим на западе Сарматии²⁰.

Объясняя этимологию слова «словене», Фр. Миклошич высказал предположение, что оно употреблялось сначала для обозначения лишь тех славян, которые продвигались в VI веке к югу (словенцы, дакийские славяне и будущие болгары), и что оно якобы только в течение последующих столетий было распространено на всех славян. Однако мне представляется уже доказанным, что это наименование с VI века обозначало все славянские племена. Оно встречается не только у тех славян, которые проникали тогда в Италию, Истрию и на Балканский полуостров, но также и у славян, обитавших в центре России (Suavi у Иордана, *Get.*, 250, не говоря уже о Σουοβηνοί, упоминаемых Птолемеем). Наконец, мы встречаем это название в VII веке в Чехии (Samo rex Sclavinorum у Фредегара) и в Лужице (Surbi gens ex genere Sclavinorum, Sclavi cognomento Winadi, *ibid.*, *Chron.*, IV.48, 68), а в VIII веке на побережье Балтийского моря (Einhard, *Ann. Franc.*, 782, 789; *Ann. Alem.*, 790). В наиболее ранних славянских письменных документах с начала IX века для обозначения славянского языка употребляется общий термин «словеньскъ языкъ»; встречаются также «словеньское племя», «словеньский народъ вьсь» («славянское племя», «весь славянский народ»). Наконец, то, что производные от слова «славянин» сохранились повсеместно, свидетельствует в пользу первоначального широкого значения этого наименования. С IX века известны новгородские словене в России, словинцы, живущие и поныне у устья Вислы, словинцы в Каринтии и словаки в Словакии. Албанцы называли сербских и македонских болгар Skja, Skjeji, то есть славянами.

Название «славянин» славянского происхождения, однако нам неизвестны, как это ни странно, ни его этимология, ни его первоначальное значение. Наряду с формами Σκλαυηνοί, Στλαυηνοί, Sklaveni, Stlaveni, образованными непосредственно из формы «словене», в латинском и греческом языках имеются краткие формы Σκλάβοι, Σθλάβοι, Sclavi, Stlavi неизвестного происхождения. Вероятно, они возникли под влиянием окончания – *славь*, которое часто встречается в именах собственных. Краткие формы известны уже в VI веке, а начиная с VIII века они очень распространены в письменных документах.

На основании указанных кратких форм (а также русского термина «славяне») происхождение наименования «славяне» еще до начала XIII века стали связывать со словом «слава» и переводить его как «gloriosi», «αἰνετοί». Это толкование удерживалось до XIX века, и известный славянский поэт и археолог Я. Коллар поддержал его своим авторитетом. Другое толкование, не менее древнее, засвидетельствованное уже в начале XIV века, связывает наименование славяне – словене с понятием «слово» и переводит его как «verbosi, sermonales, ὁμοῦλόττοι».

Это объяснение приняли такие выдающиеся исследователи, как И. Добровский и П. Шафарик. Последний опирался, в частности, на аналогичный факт, а именно, что славяне называли соседний народ, язык которого они не понимали, словом «немцы» (единственное число – «немец», производное от «немъ», «немой»). Хотя эта вторая гипотеза имела большое число сторонников, тем не менее большинство современных лингвистов отвергает ее на том основании, что славянский суффикс – *ей*, – *enjn*, – *janjn* всегда указывает на принадлежность к определенной местности и что, следовательно, наименование *Словени* должно было быть образовано от названия местности (Слово?), названия, которое, к сожалению, нигде не встречается²¹.

Итак, происхождение названия славян остается невыясненным. Однако нам известно, что носитель его появляется в начале нашей эры как могущественный народ, расселившийся на огромной территории между Вислой и Десной: «natio populosa per immensa spatia consedit» – писал о нем в VI веке Иордан²². В настоящее время известно также, что этот многочисленный народ появился в Европе не в этот период, а жил там издавна в тесном взаимодействии с другими индоевропейскими народами. Ныне это положение признано в науке и не нуждается в доказательстве, как 100 лет тому назад, когда Шафарик писал свои «Древности» с целью доказать главным образом древность славян, в которой сомневались некоторые немцы²³.

Глава IV Дифференциация славян

Сколько бы ни говорили о первоначальном единстве славян, все же они никогда не представляли собой единого целого в полном смысле этого слова. У них, как и у каждой этнической группы, всегда были соматологические¹, культурные² и языковые различия. Эти последние известны нам лучше всего, так как язык дает наиболее полный материал, позволяющий проследить начало и дальнейшее развитие дифференциации славян.

Как и повсеместно, на дифференциацию славян воздействовал прежде всего внутренний фактор, под влиянием которого произошли незначительные фонетические, грамматические и лексикологические различия и появились диалекты. Первоначальные различия возросли затем благодаря изоляции и в особенности благодаря тому, что определенные элементы отделились от материнского ствола вследствие переселения и скрещивания с чуждым языком или языками.

Под влиянием этих факторов древнее единство славян – а о таком единстве говорить можно, так как различия внутри него долгое время были незначительными, – распалось, и на заре истории мы видим уже ряд новых образований, сложившихся окончательно в течение последующих столетий, как например: 1) русское, 2) болгарское, 3) сербо-хорватское, 4) словенское, 5) чехо-словацкое, 6) лужицко-сербское, 7) полабско-поморское и 8) польское. Все эти языки являются продолжением материнского языка, на котором когда-то говорили в прикарпатской прародине. Мы не можем точно определить ни времени распада этого единого славянского языка, ни времени начала и самостоятельного существования названных языков и говорящих на них народов. В настоящее время славянская филология допускает, что древнее единство славян существовало, несмотря на начавшийся распад его, еще в течение первых веков нашей эры³. И это все, что можно сказать по данному вопросу. Разделение единого языка и становление отдельных славянских языков произошло не сразу, а постепенно. Ход этого процесса, а также взаимное родство народов, говорящих на этих языках, давно являются предметом исследования.

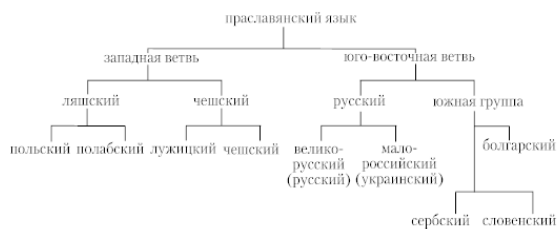
Чешский грамматик Ян Благослав в 1571 году разделил славянские языки на три большие группы: чешскую, словацкую и польско-русскую. Однако впоследствии число групп славянских языков было сведено к двум. Такого деления на две группы придерживались А. Бандури, И. Фриш, Х. Иордан, К. Антон, М. Катанчич, А. Шлецер и др., однако они не опирались на научно обоснованную аргументацию. Только отцу славянской филологии И. Добровскому принадлежит заслуга научного обоснования теории деления славянских языков. Согласно его концепции, древний общеславянский язык разделился сначала на две ветви – восточную и западную; производными языками от первой ветви являются русский, старославянский, иллирийский (сербский и болгарский), хорватский и словенский. Языками, производными от второй ветви, являются чешский, словацкий, лужицко-сербский и польский.

После И. Добровского теории деления славянских языков на две ветви довольно долго придерживались даже такие выдающиеся филологи, как П. Шафарик, Б. Копитар, Ф. Буслаев, И. Гебауер; в 1865 году А. Шлейхер предложил, согласно этому принципу, следующую схему родословной славян⁴:

Однако вскоре вместо деления общеславянского языка на две ветви вновь было принято первоначальное деление на три ветви.

Если не принимать во внимание доктрину Благослава 1571 года, эта идея возникла в России в результате стремления выделить русский язык из остальных языков в качестве самостоятельной ветви. Первым выдвинул и отстаивал теорию деления языков на три ветви русский ученый А. Востоков, его последователями были М. Максимович, И. Срезневский, В. Гри-

горович, А. Будилович и др. Новая система встретила и за пределами России более широкое признание, чем система Добровского и Шлейхера.

Однако представители сравнительного языкознания выступили против подобной классификации (мы уже упоминали труды И. Шмидта⁵), а также против теорий происхождения славянских языков, и все родословные славян были окончательно отвергнуты. Ограничимся разбором концепции В. Ягича – в настоящее время старейшего представителя славянской филологической школы, – концепции, которая полностью согласуется с данными о древнейшем периоде славянской истории.

В. Ягич признает большую ценность теорий И. Шмидта и считает, что зачатки позднейших славянских языков существовали уже в общеславянском языке и что порядок их территориального распространения уже тогда соответствовал их расположению в настоящее время. Когда же эти диалектные зачатки были перенесены на исторические места обитания славян, то здесь они окончательно обособились так, что одновременно образовали три различные группы, из которых каждая объединяла наиболее близкие языки:

- 1) русская группа с русским и украинским языками;
- 2) западная группа с языками чехословацким, польским, лужицко-сербским и полабским;
- 3) южная группа со словенским, сербо-хорватским и болгарским языками⁶.

Процесс дифференциации и разветвления языков, конечно, протекал не всегда определенно, а в окраинных областях иногда имело место и скрещивание. Но это не исключало деления общеславянского языка на три группы, поэтому интересно проследить, в какой мере топография славянской прародины и ее рельеф способствовали этому делению. Перед народом, рост численности которого заставлял его распространяться за пределы своей прародины, помещенной нами к северу от Карпат между реками Вислой и Днестром, открывались три больших пути. Первый путь ведет на запад: это легко доступный путь, так как Висла, так же как и Одер, едва ли была серьезным препятствием. Таков же второй путь, ведущий к бесконечным просторам России. Путь к северу был прегражден морем, а также озерами и болотами⁷. Путь к югу преграждался цепью Карпатских гор, однако по краям этого хребта было достаточно места для проникновения народа двумя путями по направлению к Дунаю. Это и был третий путь. Итак, топографические условия прародины славян также чрезвычайно способствовали делению славян на три группы, так как люди могли расселяться лишь по направлению к западу, югу и востоку.

Следовательно, деление славян на три большие группы основывается не только на лингвистическом различии, но и на расположении и ориентации их прародины. Черта, отделяющая отдельные группы, соответствует приблизительно границе между бассейнами Черного и Балтийского морей. Одни следовали по течению рек на запад и на север, другие на север, восток и юг. Разделение славян на две большие культурные группы, на обосновании которого мы остановимся ниже, зависит от того, к какому из этих двух бассейнов они относились⁸.

Часть II Происхождение южных славян

Глава V Теории южного движения славян

Хотя прародина славян была расположена к северу от Карпатских гор, тем не менее известно, что в историческую эпоху большие группы славян обитали к югу от этого хребта и не только в Венгерской котловине, но и в областях восточных Альп и дальше почти по всему Балканскому полуострову.

Эти группы славян, двинувшихся к югу и тем самым отделившихся от северных славян, получили название южных славян в отличие от остальных, оставшихся на севере.

Когда именно произошло отделение южной ветви от общего ствола и к какому периоду относится продвижение и распространение славян этой ветви на юг от Карпатских гор и дальше к югу от Дуная – на этот вопрос отвечали различно. В решении этого вопроса определялись три направления¹.

Ученые *первого* направления, опираясь на ряд доводов, о которых мы уже упоминали и к которым еще вернемся ниже, считали теорию северной прародины славян ошибочной. Они определяли прародину славян не к северу, а к югу от Карпат, в области венгерского течения Дуная и на Балканском полуострове. Вследствие этого они считали, что самого факта проникновения славян с севера на Балканы не существовало. Перед ними не вставал вопрос, когда и как это произошло, ибо они считали, что южные славяне – предки будущих словенцев, хорватов, сербов и болгар – издавна обитали на своих исторических местах жительства. Это так называемое автохтонистское направление в историографии южного славянства; представители его охотно называют себя «славянской» школой в противоположность другой школе – «немецкой», или «берлиновенской». С позиций автохтонизма они высказывались и по вопросу о славянах в Германии (см. ниже, с. 126).

Второе направление, названное выше «немецким», было названо так потому, что его возглавили немецкие историки. Как в своих общеисторических трудах, так и в статьях, специально посвященных движению южных славян, они придерживаются данных истории и не признают в отличие от первого направления пребывания славян на юге до того времени, пока о них непосредственно не появляются сведения в исторических источниках. Если исключить все недостоверные сообщения, это означает, что славяне появились здесь лишь в VI веке. На этом основании общее заключение историков второго направления сводилось к тому, что южные славяне появились на юге от Савы и Дуная внезапно и только в VI веке, а к Дунаю, в Северную Венгрию, пришли незадолго до этого, во всяком случае не ранее V века.

Наконец, представители *третьего* направления, отрицая в принципе автохтонизм, все же заимствуют из него некоторые второстепенные доводы для доказательства пребывания славян в Венгрии (Уграх), в Альпах и на Балканах до V–VI веков, хотя об автохтонности их в этих областях говорить нельзя.

Однако в мнениях отдельных историков первого и третьего направлений имеется немало различий, связанных с тем, в какой степени и сколь критически они принимают доказательства. В зависимости от этого они определяют дату обитания славян к югу от Карпат. Одни идут вслепую и огульно принимают любой, самый предположительный, довод, другие более критически относятся к системе доказательств; первые, естественно, видят славян повсюду, другие же – лишь в определенных областях.

Остановимся подробнее на указанных трех направлениях.

Представители первого направления в целом решали эту проблему очень просто, объявляя славянами все народы, известные в древности на юге, а именно иллирийцев, паннонцев,

фракийцев, даков и гетов, более того, македонцев или эпиротов и даже древнейших обитателей Греции.

Основываясь на исковерканных и искаженных названиях, которые они принимали в качестве славянских, они, разумеется, находили славян всюду: от Боденского озера и Венеции до устья Дуная и до Царьграда². Все якобы было когда-то славянским. Направление это получило широкое распространение уже в XVII и XVIII веках. В конце XVIII и начале XIX века, когда идея национального возрождения проникла в литературу славянских народов, этому направлению не сумели противостоять даже такие крупнейшие славянские исследователи и высокообразованные люди, как, например, П. Шафарик; да и ныне, когда история и лингвистика далеко продвинулись вперед, когда вполне разработан их научный метод, из научного обихода все еще не устранены книги, в которых мы читаем, что иллирийцы или фракийцы были собственно славянами.

Толчком к возникновению этого направления были уже известные нам аргументированные теории южнославянского духовенства, которое пыталось увязать древнейшую историю южных славян с деятельностью святых апостолов. Уже в раннем средневековье эти теории привели к возникновению предания о том, что сам св. Павел принес христианство хорватам³, а св. Иероним (умер в 420 году) создал славянскую письменность, так называемую глаголицу⁴. Впоследствии из этого предания возникла теория, согласно которой древние иллирийцы и паннонцы были славянами и предками сербо-хорватов, теория, распространившаяся на Балканах настолько широко, что в X или XI веке была включена даже в традиции русских монастырей, а в XI веке записана одним из предшественников киевского монаха Нестора в начале первой Киевской летописи⁵. Эти представления и положили начало целому учению о дунайской прародине славян, с которой мы познакомились выше, на с. 20.

Из первых традиций и летописей это учение проникло во многие славянские и неславянские хроники: сначала в польские и чешские, затем более всего в хорватские.

Начались попытки обосновать эту теорию, провозглашенную сначала бездоказательно, открытиями всевозможных документов, якобы подтверждающих пребывание славян на Балканах с глубокой древности, иными словами – доказать принадлежность иллирийцев, фракийцев (даков, гетов) и даже итальянцев к славянам. Среди этих документов встречались иногда и фальсифицированные, к последним относятся прежде всего грамоты Александра Великого славянам и так называемая «привилегия Александра», данная (им) балканским славянам в Александрии во второй год его царствования, в которой великий император обещает славянам в благодарность за их службу господство над всеми народами Центральной Европы на вечные времена⁶.

Но больше всего привлекалось доказательств из области филологии: названия отдельных древних народов, древневенгерская и балканская топография и, конечно, древние имена собственные толковались во что бы то ни стало как славянские, даже ценой невероятных натяжек. Такой метод получил особое развитие главным образом у южных славян в XVIII веке и достиг здесь наибольшей абсурдности, в результате чего не только Венгрия и Балканский полуостров, но и такие отдаленные земли, как Италия, Малая Азия и Египет, – все превратились в некогда славянские области. И ничто не могло остановить сторонников этого направления! Ни возражения некоторых наиболее эрудированных историков и филологов (Занетти, Пейсонель, Тунман, Аделунг, Добровский, Энгель, Швабенау и другие), ни огромный авторитет П. Шафарика, который внес изменения по этому вопросу в свои «Славянские древности» (изд. 1837 г.)⁷, не заставили сторонников этого направления пойти по правильному или хотя бы по более правильному пути. Приверженцы и почитатели Шафарика, вместо того чтобы принять его новую концепцию, отвернулись от него, упрекая его в том, что он изменился к худшему, и вместо «Древностей» придерживались его более раннего труда, идя еще дальше, чем

сам автор. Зачастую к этому присоединялись и славянские археологи. Итак, XIX век также не избавился от бремени автохтонистской школы, труды которой принесли славяноведению гораздо больше вреда, чем пользы. Лишь немногие сторонники автохтонизма сумели сохранить в своих теориях чувство меры и, несмотря на ошибочные выводы, не лишили свой труд некоторой позитивной ценности⁸. Большинство же их оставило труды, не представляющие никакой ценности. Некоторые из этих работ, авторы которых потворствовали настроениям славянской общественности, получили широкое распространение и большую популярность⁹.

Естественно, что это направление всегда встречало возражения, которые росли по мере совершенствования исторической и филологической науки в XIX веке. Противники этого направления отвергали все домыслы и этимологию и опирались лишь на достоверные известия, основанные на фактах. Сила этого сопротивления не была, конечно, всегда одинаковой: одни исследователи подходили к этому вопросу более, другие менее строго, идя на некоторые уступки, но в целом почти вся современная немецкая историческая школа, а за ней и многие славянские ученые, выступая против автохтонизма, в течение последних десятилетий сошлись на том, что:

- 1) отвергается теория подунайской прародины славян;
- 2) отвергается теория славизма древних паннонцев, иллирийцев и фракийцев, к которым причислялись также северные даки и геты;
- 3) отрицается существование славян на Балканском полуострове, в Альпах и нижней Венгрии (Уграх) до VI века, поскольку источники не упоминают о них до того времени;
- 4) считается, что в основу всего толкования должно быть положено известие Иордана о том, что во время создания его «Истории Готов» (551) славяне распространились на территории, расположенной от города Новиодуна и Мурсийского озера (то есть от Мурсийских болот около устья Савы или Незидерского озера к Новиодуну в устье Дуная) вплоть до Днестра, а на севере до самой Вислы¹⁰.

Хотя, согласно общей концепции этой исторической школы, приход славян на Дунай, связанный с великим переселением германских народов, и имел место, однако это произошло лишь после ухода германцев из Германии и Венгрии. Только потом началось движение славян: часть их пошла на запад через Вислу, другая часть – на юг через Карпаты и в обход хребта к Дунаю. Итак, славяне направились к Дунаю лишь после германцев и гуннов, однако движение их было столь быстрым, что они почти сразу заселили земли, оставленные их предшественниками. Только таким образом можно объяснить неожиданное распространение славян, о котором сообщают в VI веке Иордан, Прокопий и ряд других историков. Первой исторически установленной датой проникновения славян на Балканский полуостров сторонники этой школы считают год вступления на престол Юстиниана (527), основываясь при этом на свидетельстве Прокопия¹¹. С этой датой совпадает и время первого упоминания названия «славянин» у Псевдо-Цезаря¹².

Основными и руководящими трудами в этом направлении стали, в частности, труды К. Цейса, Е. Ресслера и главным образом К. Мюлленгофа, а в лингвистике – точка зрения Ф. Миклошича (отсюда и вышеупомянутое название «венско-берлинская» школа, данное приверженцами автохтонизма исторической школе). Расхождения между сторонниками этой школы касаются лишь более точного определения времени, когда славяне достигли Дуная и Савы, когда они оттуда продвинулись на Балканский полуостров и когда начали его прочное заселение. Одни предполагали, что толчком к движению славян в Венгрию был приход гуннов и, в частности, переселения, начавшиеся после уничтожения гуннской империи в 453 году (так полагают Шафарик, Грот, Клаич, Маретич, Кос, Станоевич и Мюлленгоф), другие объясняли это приходом болгар в конце VI века, третьи – они наиболее многочисленны – связывали движение славян с нашествием аваров во второй половине VI века (Цейс, Кох, Бюдингер, Ресслер).

Таким образом, одни относят появление славян на Балканах к концу V или к началу VI века, тогда как другие не считают возможным датировать это событие ранее VII века. Но в целом все эти различия – второстепенного характера.

Что касается меня, то я не могу полностью принять точку зрения исторической школы. Не буду отрицать тот исторический факт, что великое вторжение славян на Балканы произошло лишь в VI и VII веках и что заселение полуострова нельзя датировать ранее первой половины VI века. Тем не менее я убежден, что общее движение славян от Карпат к Дунаю и к Саве началось не в V веке, а задолго до этого и что уже в I и во II веках н. э. славяне достигли, по крайней мере, отдельных областей Подунавья, а с III века начали заселять Венгерскую низменность. Стало быть, славяне не были автохтонами в этих областях, не являвшихся их прародиной в том смысле, в каком о ней говорится в Киевской летописи и в вышеизложенных современных теориях, но из Прикарпатья они пришли сюда еще до V–VI веков и расселились, разумеется, лишь отдельными колониями среди более древних поселений иллирийцев и фракийцев, а позднее и между германцами и гуннами. Таков тезис, положенный в основу моей концепции первоначального развития южных славян и противостоящий, как видно, тезису автохтонистов и историческому тезису Мюлленгофа или Ресслера¹³. Подкрепляю же я этот тезис, во-первых, некоторыми указанными ниже историческими документами, во-вторых, рядом древних топографических названий в Подунавье, славянский характер которых я считаю бесспорным. Правда, в областях, филологический характер которых в целом был неславянским (иллирийским, фракийским или дакийским), таких названий было немного, но они все же существуют, как мы увидим дальше. Сами по себе эти названия не могут, конечно, опровергнуть ту точку зрения, что на этих землях обитали первоначально паннонцы, иллирийцы, фракийцы, даки, являющиеся все без исключения народами неславянскими. Последнее не подлежит сомнению. Но как только в этих областях обнаруживается одно или несколько названий, славянский характер которых бесспорен, и если наряду с этим имеется также возможность допустить на основании других исторических данных, что существование здесь славян не только не исключено, но и вполне вероятно, то я рассматриваю каждое такое название как свидетельство наличия славянской общественной единицы (рода – общины – племени) на территории чуждой области. Такова единственная уступка, которую можно сделать сторонникам автохтонных теорий, ссылающимся на славянский характер ряда названий в Дакии, Паннонии или в Иллирии. Все это является доказательством лишь существования славян среди иллирийцев и фракийцев до V века, а отнюдь не доказательством славянства самих иллирийцев или фракийцев или автохтонности славян.

Раннее продвижение славян к Дунаю в конце V века

Уже а priori можно считать, что и славяне принимали участие в продвижении народов на юг в конце V века н. э.

История так называемого великого переселения народов показывает, что народы начали стекаться с севера к Дунаю уже с I века н. э.; они двигались главным образом из восточной Германии моравским путем и через западные Карпатские перевалы. Известно также, что еще до маркоманских войн к югу продвинулись лугии, обии и часть лангобардов, а во время маркоманских войн – котины, осы, бессы, гермундуры, буры, вандалы, виковалы, костобоки, карпы, аланы, роксоланы, бастарны и певкины¹⁴. В 175–176 годах племя астингов оттеснило карпатских костобоков на Балканский полуостров¹⁵, а затем мы можем прочесть, что в 180 году какие-то «свободные даки» были отброшены от Карпат и поселены в Дакии¹⁶. Затем в III веке с Вислы пришли гепиды и одновременно с ними из тех же областей массы скиров, герулов, ругиев и, наконец, племя лангобардов, бродившее долгое время перед этим в Прикарпатье. Все племя карпов было переселено императором Галерием из области Карпатских гор в

нижнюю Паннонию¹⁷. Причиной всех этих передвижений было, как в другом месте отмечает Юлий Капитолин¹⁸, вторжение северных варваров (*superiores barbari*). Это, однако, относится не только к готам, продвигавшимся с начала III века от нижней Вислы к Днепру, или лангобардам, но также, несомненно, и к активному продвижению славян, являвшихся здесь главным народом после отхода готов к Черному морю. Ни Карпаты, ни Висла не остановили движения славян, которое продолжалось по направлению к Дунаю через горные перевалы и в обход гор. Нельзя представить себе славян в эту эпоху иначе, как в процессе внутренней и внешней экспансии.

Это постоянное переселение северных народов из Прикарпатья к Дунаю в I–V веках является само по себе, даже при отсутствии в истории непосредственных упоминаний о славянах, убедительным априорным доказательством того, что движение славян из Прикарпатья началось задолго до V века.

Другим априорным доказательством этого является сам факт широкого распространения славян, который мы наблюдаем в VI веке. В тот период, как будет видно ниже, славяне одновременно появляются на огромной территории от Лабы, Заале, Шумавы и Альп на западе вплоть до Дона на востоке и от Балтийского моря и озера Ильмень вплоть до Эгейского и Адриатического морей, заняв, таким образом, пространство в пять раз большее, чем их прикарпатская прародина. Если бы распространение славянской волны произошло, согласно концепции Мюллэнгофа или Ресслера, в очень короткий срок – с конца V до начала

VII века, – то следовало бы ожидать, по крайней мере, оставления славянами своей прародины, как это имело место в Восточной Германии, когда из нее ушли готы, гепиды, лангобарды, вандалы и бургунды. Но у славян этого не было. Прикарпатская прародина осталась заселенной славянами. Это явление с наибольшей убедительностью заставляет меня отказаться от какой бы то ни было теории внезапного распространения славян. Это второе априорное доказательство позволяет предполагать, что распространение славян шло гораздо медленнее, но зато в более раннее время, и что оно шло по всем направлениям, следовательно, и на юг. Еще задолго до V века славяне двинулись за пределы своей прародины, но часть их оставалась там и после этого.

Таковы два основных априорных доказательства раннего продвижения славян к югу. Кроме того, мы располагаем следующими доказательствами, опирающимися непосредственно на данные истории и лингвистики.

Согласно приведенному выше точному сообщению Иордана от 551 года, славяне в первой половине VI века обитали по нижнему течению Савы и далее вниз по Дунаю, начиная от Савы и до самого устья. Впрочем, пребывание славян в захваченных гуннами венгерских низинах еще за сто лет до этого ясно подтверждается известием ритора Приска о посольстве во главе с Максиминем, отправленным в 448 году императором Феодосием к Атилле, который находился в Венгрии¹⁹.

Приск, участвовавший в посольстве, описал весь путь, который проходил из Константинополя через Сардику (ныне София), Ниссу (Ниш) к Виминацию и дальше за Дунаем через три большие реки Дрикон (Темеш), Тигу (Бега? Марош?), Тифизу (Тисса) до средневенгерской степи, где в районе современной пештско-пилишской столицы находилась укрепленная ставка Атиллы. На этом пути послы встретились с людьми, которые угощали их пшеничным хлебом и медовым напитком, называемым «мѣдоо». Приск называет их скифами, то есть обычным в то время названием готов, но то, что это были не готы, следует из того, что Приск в упомянутом месте определенно отличает их как от гуннов, так и от готов, говоря, что этот народ легко овладевает не только родным языком, но и другими языками, а именно: готским, аузонским (латинским) и гуннским. Так как название медового напитка «мѣдоо» является не чем иным, как грецизированной формой общеславянского названия «медь», то есть известного среди славян

напитка – меда, то очевидно, что народом, живущим рядом с гуннами, были славяне. Название «мѣдоо», употребляемое Приском, может относиться только к славянскому языку; если бы это было готское слово, Приск слышал бы «midus» и в греческой транскрипции было бы «μίδοο» или «μίδοο». Кроме того, славянский характер этого народа, оказавшегося под властью гуннов, доказывается еще известием Иордана о погребении Аттилы. Когда умер этот царь, над его могилой совершили пышные погребальные обряды, и среди них обряд, называемый *страда*²⁰. Слово «страда» нельзя объяснять, исходя из готского языка, как «таг» (от *straujan* – *ausbreiten*, греческое *σπρῶνναι*), так как из всего контекста следует, что тут речь идет о каком-то акте погребального обряда (*concelebrare stravam ingenti comes-satione*), а также потому, что Иордан – гот по происхождению – не принял бы слово «страда» за гуннское, если бы оно было готским. Кроме того, известно, что у древних славян в обычае было погребальное пиршество, называемое «страда» (поминки); это доказывается существованием подобного обычая у поляков и чехов еще в XIV и XV веках²¹. Следовательно, и при описании погребения Аттилы речь идет, очевидно, о большом пиршестве, называемом среди тамошних славян «страда», и эти два слова – «страда» и «медь» – служат достаточным доказательством того, что на среднем Дунае и нижней Тиссе во времена Аттилы, то есть в первой половине V века, обитали славяне, подчиненные гуннам.

Таким образом, мы отодвигаем дату пребывания здесь славян к IV веку; у нас есть также известия, относящиеся к тому же веку, удовлетворительное объяснение которых можно дать, лишь принимая во внимание наличие славян в этих местах. Это известие о двух группах сарматов в Венгрии. Сарматы (языги), иранского происхождения, пришли с нижнего Дуная в Венгрию уже в 20–50 годах н. э. и здесь поселились. Их история – это ряд непрерывных сражений с Римской империей. Под 334 годом мы сразу же читаем, что в их среде вспыхнула большая война, причем одна сторона, называемая в источниках *servi Sarmatarum* (от *δοῦλοι, οἱ οἰκέται* у Евсевия) или также *Sarmatae limigan-tes*, восстала, победила и прогнала за Дунай ранее «свободных» сарматов – *domini, liberi*, а также *Sarmatae Ardara-gantes, Arcaragantes*.²² Часть побежденных была принята Константином на римскую землю (другая часть бежала в Дакию), а в низменности остались в дальнейшем главным образом *Sarmatae servi*. Этот факт засвидетельствован еще в источниках конца IV и V веков. Затем название «сарматы» и здесь исчезает совсем и появляется название «славяне».

При описании событий 334 года речь идет, по всей вероятности, о борьбе двух больших групп, заселявших Венгерскую низменность. Если одна из них была свободной и властвовала над другой, несвободной, и если вместе с тем одна группа вела кочевой образ жизни, а другая была оседлой и обрабатывала пашни, разводя главным образом пшеницу²³, то тогда ни у кого не возникнет сомнение, что кочевники, то есть иранские сарматы, подчинили себе в Венгрии народ другого происхождения, народ, занимающийся земледелием. Народом же этим могли быть только славяне, если учитывать их культурный уровень и, кроме того, те факты, что несколько десятилетий спустя мы видим тот же славянский народ на той же территории под владычеством гуннов, а несколькими десятилетиями раньше название народа *венедо-сарматы* встречается на Пейтингеровой карте в Венгерской низменности за Дунаем. Пейтингерова карта в дошедшем до нас виде относится к концу III века, о чем свидетельствуют прежде всего наименования народов на карте²⁴, и мы не имеем никакого права считать упоминание легенды о вене до-сарматах в Венгрии²⁵ или другие упоминания венедов в Бессарабии у устья Дуная припиской, сделанной в V или VI веке, тем более, что прежнее существование славян в обоих районах подтверждается и другими доказательствами. Наконец, автор, внесший якобы в VI веке в карту *ex post* запись о славянах, должен был бы записать их под обычным тогда названием *Sclaveni*.

Таким образом, обе записи Пейтингеровой карты являются сами по себе достаточным свидетельством движения славян к Дунаю в конце III века, так же как сообщение о борьбе двух групп сарматов может считаться вероятным доказательством существования здесь славян в IV веке, а сообщение, относящееся ко временам Аттилы, – свидетельством их пребывания в этом районе в V веке. Все связано одно с другим, название же сарматов сохраняется вплоть до VI века, когда все уже стало славянским.

Итак, уже сами исторические источники определенно упоминают славян на Дунае, по крайней мере начиная с III века. Что же касается возможности пребывания здесь славян еще раньше, во II и I веках, то тут мы не располагаем достоверными историческими известиями, и нам остаются, в лучшем случае, лишь предположения. Так, например, весьма вероятно, что традиции, благодаря которым в славянской мифологии появилось и было сохранено имя императора Траяна²⁶, были порождены связями славян с Траяном в Дакии во время его походов 101–102 и 105–106 годов; возможно также, что летописная традиция о нападении на придунайских славян²⁷ относится к этим великим походам римлян в начале II века. Впрочем, Леон, опираясь, очевидно, на реальную традицию, отмечает в «Тактике»²⁸, что римляне воевали со славянами еще в Задунавье до того, как эти последние перешли Дунай (Леон имеет в виду нижний Дунай). Это может относиться только к Дакии и, очевидно, к тому периоду, когда Дакия была покорена Римом или хотя бы была подвластна ему (106–275).

Итак, хотя ни одно из этих известий не дает определенного доказательства пребывания славян на Дунае во II и I веках, они увеличивают все же возможность такого предположения. Эту возможность еще более усиливает приведенный ниже разбор нескольких поддунайских топографических терминов.

Общая номенклатура венгерского Подунавья неславянская, на западе основу ее составляли, очевидно, паннонско-иллирийские элементы, на востоке же – фрако-дакийские, в которые с течением времени влились сарматские и тюрко-татарские элементы. Но в этой номенклатуре есть все же единичные названия явно славянского характера. Как форму, так и смысл их можно объяснить, лишь основываясь на славянском языке; они имеют аналогии в славянской номенклатуре других областей, а частично сохранились в ней и по сегодняшний день.

Такими названиями являются прежде всего на западе *lacus Pelsois* (озеро Пельсо) Равеннского анонима (VII век) и Иордана, у Плиния *Peiso* (исправленное *Pelso*), у Аврелия Виктора *Pelso*²⁹ – название, с которым можно связать только общеславянский *apelativum* слова *pleso* в смысле «стоячие воды», «озера». Затем у нижней Савы, между Дравой и Савой, уже во II–IV веках засвидетельствовано название современной реки Вуки, старославянское название Волка, то есть «Волчья река», название, имеющее много аналогий среди славянских названий рек, а именно: у Диона Кассия (Οὔλοκος), на Пейтингеровой карте (*Ulca*), у Аврелия Виктора (*Hiulca*), в Иерусалимском итинерарии (*Ulcus*), ко всему этому следует прибавить еще *Ulca* в панегирике Эннодия 488 года³⁰. Другим, еще более показательным славянским названием в этих местах является название реки Врбас (*Vrbasu*). Уже у Плиния (III. 148) мы находим упоминание *Urpaniſa* (см. современный приток Дуная Врбанья), но славянское происхождение этого названия еще не установлено. Зато на Пейтингеровой карте около устья (Дуная) (*segn.*, VI, I) мы находим наименование Врбате; эта обычная на карте аблативная форма образована уже не от древнего *Urpanus*, а от славянской формы «Врбас»³¹. Наличие же других древних названий, таких, как Плива, приток Врбаса (в итинерарии Антонина – *Pelva*) или *insula-Metubarris* у Плиния (III. 148), которое Первольф считает транскрипцией славянских слов *Me^u* барамы (то есть «между болотами» – ср. серб. *Metjypeu*), я не считаю достаточным доказательством пребывания славян на Дунае. Наименование *Civitas Pistrensis*, упоминаемое Аммианом Марцеллином в Паннонии³² под 373 годом, образовано, по всей вероятности, также от славянского названия какой-то реки Бистры, так как подобных наименований очень много, главным образом на

альпийской территории славян. См. также реку Bustricius от славянского названия Быстрица у Равеннского анонима (IV.19).

Другая группа явно славянских названий находится в венгерском Задунавье, главным образом в современном нижнем Банате. Прежде всего здесь уже с начала II века н. э. несколько раз засвидетельствовано название современной реки Черной, впадающей в Дунай с севера около Ршавы. Название Черная в противоположность Белой очень часто встречается в славянской номенклатуре рек, особенно в карпатских областях. Подобное же название носило и поселение в устье той же реки, что засвидетельствовано двумя votivными надписями II века, найденными в Мехадии и у Апула (Альба Юлия) в форме *statio Tsiernen (sis)*, *municipium Dierna*, а также на трех кирпичках, найденных в Сербии и Болгарии (*Dierna*)³³, потом у Птолемея (πόλις Διέρνα) на Дунае под Виминацием, у Ульпиана в начале III века (*in Dacia Zernensium colonia a divo Traiano deducta*), на Пейтингеровой карте (*Tierna*), в *Notitiae dignitatum* IV века – *Transdiernae* (пункт, расположенный на другом берегу Дуная), смотри, наконец, еще у Проккопия крепость Зерна (φρούριον Ζέρνης) между пунктами Новая и Понтес на Дунае³⁴. Если считать, что в устье современной реки Черной колонистами Траяна было заложено поселение *Tsierna*, то очевидно, что эти колонисты, пришедшие, согласно Ульпиану, из Дакии, были славянского происхождения, и именно они дали реке обычное славянское название, перешедшее затем и на поселение.

Другим не менее выразительным названием является славянское наименование находящейся поблизости речки Брзавы, притока Темеша (от славянск. *бързъ* – быстрый); она упоминается также в качестве названия римского поселения Берсовия, расположенного на пути из Виминация к Сармизгетузу, не только на Пейтингеровой карте в месте пересечения дороги и Брзавы, но уже в начале II века у грамматика Присциана в форме *Berzobis*³⁵. В развитие доказательств можно было бы привести для Дунайской низменности I и II веков название Тиссы в составной славянской форме *Потиси*; у Страбона Πάρισος, исправл. Πάθισος, у Плиния *Pathissus amnis*³⁶; затем название реки Грон – Γρανούας у Марка Аврелия в конце II века³⁷.

Итак, очевидно, что здесь имеется определенная группа хотя и немногочисленных, но достаточно убедительных наименований, упоминаемых в источниках с I по IV век н. э. главным образом в трех местах: у Блатенского озера, на нижней Саве и в нижнем Банате. Поскольку и другие приведенные выше доводы также говорят, что присутствие славян в указанных местах не только вероятно (в I и II веках), но начиная с III и до V века оно непосредственно подтверждается, то названия *Pelso*, *Vulka*, *Vrbas*, *Tsierna*, *Bersovia*, Γρανούας, *Pathissus* – все без исключения представляются мне следами славянских поселений и племен. Славяне проникли в области Дуная и Савы уже в начале нашей эры, но, конечно, лишь на отдельные участки, образовав как бы большие и малые славянские острова в чуждой, иллиро-фракийской и сарматской среде. Именно потому, что речь здесь идет о крае, в который славяне проникали постепенно, появление в нем единичных славянских названий представляется совершенно закономерным и бесспорным.

Суммируя все вышеприведенные свидетельства, как исторические, так и топографические, мы приходим к заключению, что все они, дополняя друг друга, опровергают тезис о незападном переходе славянами Карпат и выходе их к венгерскому Дунаю лишь в V веке, а к нижнему – в VI веке; наоборот, все эти данные позволяют говорить о проникновении славянских групп, вначале, конечно, разрозненных, в среду иранских сарматов, иллирийских паннонцев и фракийских даков уже в I–II веках н. э. В III веке, очевидно, под влиянием массового переселения прикарпатских народов продвижение славян к Дунаю значительно усилилось, и в IV–V веках северное Подунавье было полностью заселено последними.

Нельзя представить себе, чтобы все это произошло внезапно, в короткий срок, незадолго до того времени (551 года), когда Иордан привел в своем историческом труде цитированное

выше известное сообщение (прим. 10 на с. 604), из которого исходят те, кто не хочет признать более раннее появление славян на Дунае.

Движение славян на Балканский полуостров и его оккупация

Если имеются известия, свидетельствующие о пребывании славян в I–IV веках н. э. на среднем Дунае и Саве, то нет никаких позитивных фактов, подтверждающих пребывание их в эту эпоху на самом Балканском полуострове, южнее Дуная и Савы. Хотя М. Дринов, а за ним некоторые его последователи³⁸ пытались доказать и это, однако эти доказательства были неубедительными. Возможно, и даже весьма вероятно, что в волне вторжений древних германцев или гуннов на Балканский полуостров были также отдельные группы славян и даже целые славянские племена, однако достоверных сообщений об этом мы не имеем. В свое время я верил известию Моисея Хоренского, согласно которому готы, теснимые в 376 году гуннами, в свою очередь вытеснили из Дакии на другую сторону Дуная 25 славянских племен³⁹. Однако значение этого известия я переоценил⁴⁰, так как оно является единственным и не подтверждается другими известиями, кроме того, время, когда оно возникло, а также то, как оно попало в географию Моисея, остается совершенно неясным. В равной степени нельзя обращаться и к сообщению Константина Багрянородного относительно нападения славян-аваров в 449 году⁴¹ на Салоны, так как здесь Константин, очевидно, перепутал нашествие готов в указанном году с завоеванием Салоны славянами в первой половине VII века, вероятнее всего – в годы правления императора Фоки (602–610). И, наконец, даже географические названия, которые встречаются на римских картах и итинерариях III–IV веков и которые для многих представлялись славянскими⁴², таковыми не являются. Во всяком случае, их славянский характер нигде не выступает с достаточной убедительностью. Скорее уж некоторые географические названия из книги Прокопия «περί κτισμάτων» внешне сходны как в написании, так и в звучании с аналогичными славянскими названиями, например Στρέδην, Δόλεβιν, Βράτζιοτα, Δέβρη, Βελέδινα, Ζέρνης, Βέρζανα, Λάβουτζα, Πέζιον, Κάβετζα⁴³, но это уже источник второй половины VI века (после 560 года), когда возникновение славянских поселений на Балканском полуострове не вызывает никаких возражений. Впрочем, даже эти наименования не так убедительны, как названия Черная, Плесо или Брзава – на севере.

Итак, достоверного доказательства прихода славян на Балканский полуостров до конца V века нет. Весьма вероятно, что в набегах на полуостров карпов, костобоков (176 год), гепидов, готов, сарматов и гуннов в течение II–IV веков принимали участие и славяне, более того, можно допустить, что при этом отдельные отряды или роды могли уже тогда в виде исключения задержаться здесь и осесть на местах древних поселений или в покинутых и разрушенных крепостях, но и в этом случае нет никаких оснований полагать, что Балканский полуостров был заселен славянами до VI века. Первые прямые и бесспорные известия о движении славян через Саву и Дунай появляются лишь в VI веке, и все византийские историки уверены, что славяне, наступавшие в VI и VII веках, являются новыми завоевателями, новым народом, который до этого жил в Задунавье⁴⁴.

Первой датой проникновения славян на территорию Византийской империи считается обычно 527 год, то есть год вступления на престол Юстиниана, так как о его правлении Прокопий определенно говорит (рассказывая об Иллирии и всей Фракии) следующее: «Ουννοί τε καί Σκλαβηνοί καί Ἄνται σχεδόν τι ἀνά παν καταθέοντες εἰς οὐ Ἰουστινιανός παρέλαβε τήν Ῥωμαίων ἀρχήν, ἀνήκεστα ἐργα εἰργάσαντο τοὺς ταύτῃ ἀνθρώπους»⁴⁵.

Однако дата эта неверна, и мы можем на основании некоторых данных отнести приход славян к более раннему времени, по крайней мере ко времени правления Юстина (518–527), предшественника Юстиниана. Прежде всего Прокопий при описании событий 550 года вспо-

минает о поражении, которое еще во времена Юстина⁴⁶ славяне потерпели от римского полководца Германа. Вторжение готов в 517 и 530 годах в Фессалию, Эпир и Иллирию, о котором говорит Комит Марцеллин, можно с наибольшей вероятностью отнести к славянам, так как Марцеллин отличает в своем тексте гетов от болгар, гуннов и готов⁴⁷. Затем, наконец, Прокопий в сочинении о постройках Юстиниана, где он описывает замечательные работы по восстановлению укрепленных линий, которые провел Юстиниан вскоре после своего вступления на престол, упоминает о двух крепостях, называемых «Ἀδινά» и «ὁχύρωμα Οὐλμιτών», в которых будто бы были в то время славяне, во второй из названных крепостей они находились даже длительное время: βαρβάρων δὲ Σκλαβηνῶν ἐπὶ χρόνῳ μῆκος ἐκείνῃ τὰς ἐνέδρας πλεονέκτων⁴⁸.

Нам неизвестно, существовала ли крепость Адина и где она находилась. Вероятно, это искаженная форма от Ἀδινά – названия крепости, расположенной на Дунае близ Силистрии; крепость Ульметон, обозначенная в другой латинской надписи как vicus Ulmetum⁴⁹, находилась в Добрудже севернее линии Аксиополис (Черноводы), Томис (Констанца), и ее остатки были раскопаны недавно румынским археологом Василием Парванем. К сожалению, следов пребывания здесь славян не найдено⁵⁰.

Начиная с 527 года, хотя, как мы видели, этот год и не является датой начала славянских вторжений, набеги славян начали повторяться все чаще и чаще, а также приобретать все большие размеры, будучи поддержаны одновременными нападениями гуннов, болгар и аваров. Юстиниан, вступив на трон, хотел для защиты своих границ от опасности с севера построить грандиозную оборонительную систему, состоящую из нескольких линий крепостей с постоянными гарнизонами; эти линии должны были доходить до «длинной стены» (μάκρον τεῖχος), которую построил незадолго до этого, в 512 году, Анастасий перед Константинополем (от Селимбрии до Деркоса). Эта система крепостей была частично возведена заново, частично восстановлена (см. перечисление крепостей в сочинении Прокопия «περί κτισμάτων», кн. IV), однако в империи не было необходимого количества войска, чтобы должным образом занять растянутую оборонительную линию и преградить путь неприятелю. Правда, в нескольких больших гарнизонах было достаточное количество имперского и союзных варварских войск (φοιδεράτοι), но между отдельными крепостями оставались очень большие слабо защищенные участки, да и само войско не было благонадежным. Именно поэтому северодунайских варваров – славян, болгар, гуннов и аваров – очень мало заботила имперская оборона, о чем достаточно ясно свидетельствует история царствования Юстиниана и его преемников.

У Дуная, бывшего de facto еще границей империи, жили в Паннонии лангобарды, в центральной Венгрии – гепиды, далее, на нижнем Дунае – остатки гуннов и болгары. Однако повсюду рядом с ними обитали славяне, главным образом, вероятно, в области среднего Дуная и в современной Валахии. Это была специфически славянская территория – Σκλαυινία – того времени, к ней около самого устья Дуная в Бессарабии присоединялась область славянских антов, отличающихся от собственно славян.

Нашествия славян стали чувствоваться сразу же после вступления на престол императора Юстиниана, затем в 530–533 годы они несколько утихли, но в 545 году вновь засвидетельствованы во Фракии, в 547–548 годах – в Иллирии и Далмации, где славяне достигли Дурреса – Эпидамна, в 548–549 годах – в Италии, в 549 – вновь во Фракии, в 550 – в Нише, в 551 году – в Иллирии; потом наступило затишье, и вновь сильное вторжение во Фракию вплоть до длинной царьградской стены, в Солунь и в Грецию. В этом нашествии вместе со славянами принимали в последний раз значительное участие гунны (котригуры); однако новый сильный противник и в то же время новый союзник славян не заставил себя долго ждать. Это были авары.

Авары – племя тюрко-татарского происхождения, начавшее продвигаться незадолго до этого из Азии в южную Россию и проложившее себе дальнейший путь сквозь земли гуннов и

славянских антов, неожиданно появилось у Дуная под предводительством кагана Баяна. Уже в 558 году император принимал аварских послов и весь Царьград сбежался смотреть на «ἑθνὸς παράδοξον». Послы требовали предоставления аварам мест жительства на территории империи. Император испугался, и вполне обоснованно, новых пришельцев и сумел с помощью даров и обещаний отсрочить опасность до конца своего царствования – 565 года. Однако как только он умер и на престол вступил Юстин II (565–578), отказавшийся от выплаты дани, наступил ряд больших аваро-славянских войн с Римом, неоднократно потрясавших вплоть до 626 года как основы Империи, так и оборону самого Константинополя. Сначала бои шли главным образом за Сирмий (современная Митровица на Саве), которым во что бы то ни стало хотел овладеть Баян, занявший тем временем Паннонию. Однако это ему удалось лишь в 582 году. Наряду с этим авары вместе со славянами приняли участие в больших походах в глубь Балканского полуострова, направленных главным образом против Солуни и Греции. Все это происходило в годы правления Юстина и его преемника Тиберия (578–582). Особенно памятно вторжение в Грецию в 577–578 годах, а также наиболее мощное вторжение в 581 году, следствием которого была первая длительная оккупация, засвидетельствованная современником этих событий сирийским хронистом Иоанном Эфесским, писавшим в 584 году: славяне – «проклятый народ» – покорили в 581 году многие города и крепости, опустошили край, перебили население. «И вот, – говорит Иоанн, – еще и теперь (то есть в 584 году) они живут в римских провинциях без забот и страха, грабя, убивая и сжигая нажили они богатство, у них есть золото, серебро, стада коней и много оружия, и они научились вести войну лучше, чем римляне»⁵¹.

Войны не прекратились и во времена Маврикия (582–602), более того, они разгорелись еще больше, так как император отказал аварам в выплате дани, установленной Тиберием. Император был скупым, но вместе с тем храбрым и энергичным человеком. И, вероятно, он преодолел бы опасность, угрожавшую с запада, если бы всю первую половину своего царствования вплоть до 591 года не был занят тяжелой войной на востоке. Последнее обстоятельство обусловило относительную свободу действий славян и аваров на западе и первоначальную слабую оборону империи с этой стороны. Нам известны далее новые большие вторжения в 582, 584, 585 и 586–589 годах, когда славяне и авары вновь проникли в Грецию и оккупировали ее⁵². Новые нашествия на Солунь, описанные в первой легенде о св. Димитрии, также относятся к концу царствования Маврикия, вероятнее всего незадолго до 597 года⁵³. В это же время славяне угрожали Северной Италии, о чем упоминается в посланиях папы Григория I. Но, между тем, энергичные действия императора, закончившего в 591 году войну на Востоке, привели к значительным успехам и на Западе. Римские войска под руководством генералов Приска и Петра не только осмелели и неоднократно (в 593 и 597 году) переходили Дунай, проникая в глубь славянской земли, уничтожая там неприятеля⁵⁴, но и добились в конце концов в 601 году больших побед над аварами, гепидами и славянами в самом центре аварской империи, где-то на Дунае около Виминация и на Тиссе. Но для империи эти победы не имели решающего значения, и, кроме того, вскоре наступил перелом. Когда на престол вступил Фока (годы правления 602–610), убивший Маврикия, во всех концах империи опять начались волнения, с которыми новый император уже не мог бороться. Сава и Дунай перестали быть границей империи. Последним ее удерживал Маврикий, однако после него ворота настежь распахнулись перед натиском северных варваров; то же самое мы видим и в начале царствования Ираклия (610–641). Славяне напали на Италию (600–603), заняли Иллирию и Далмацию (к этому времени, вероятнее всего, относится завоевание Салоны славянами; согласно Ф. Шишичу, это был 614 год), напали на Солунь (в 609 году, затем приблизительно в 632–641 годах) и проникли в Истрию (611). Другие массовые вторжения во Фракию аваров и славян, достигших ворот Царьграда, относятся к 611, 618, 622 годам; они завершились стремительной атакой 626 года, когда

море перед городской стеной Царьграда окрасилось кровью сражавшихся славянских мужей и жен⁵⁵. Однако взять Царьград не смогли ни каган, ни славяне.

Это нападение запомнилось еще и потому, что оно знаменовало конец аварского могущества. Конечно, причиной тому послужила не только эта неудача. За ней последовали и другие, так как первоначальное аварское могущество было уже подорвано. В 623 году Само освободил чешских и словенских славян из-под аварского ига, в 635–641 годах то же совершил болгарский князь Кубрат; к этому времени относится, очевидно, и освобождение от аварского господства иллирийских славян – хорватов и сербов. Все это явные признаки упадка аварского могущества, которое потом уже так и не возродилось.

Само собой разумеется, что столкновения более мелкого масштаба продолжались, но все же атака 626 года является последним большим нападением аваро-славян на Царьград. Затем наступления становятся слабее и реже. Да в них и не было необходимости, ибо несомненно, что в течение царствования Ираклия (610–641) и его преемников Константа II (642–668), Константина IV (668–685) и Юстиниана II (685–695) полуостров полностью был заселен славянами. Они пришли сюда с севера и окончательно здесь поселились. Нападения прекратились сами собой, поскольку нападавшие перестали возвращаться на север, а оставались постоянно на оккупированной территории. В VII веке понятие «славянская земля» не распространяется больше на земли, расположенные на север от Дуная, а лишь на центральные земли полуострова, прежде всего на Македонию и ее окрестности.

Одним словом, в конце VII века оккупация Балканского полуострова, включая Грецию и часть архипелага (в 623 году славяне проникли и на Крит), была завершена. Двести восемнадцать лет (с 589 года) римлянин не смел вообще показываться на Пелопоннесе. Так жалуется царьградский патриарх Николай III (1084–1111) в синодальном послании, адресованном императору Алексею I⁵⁶.

Новый этнический состав населения в Венгрии и на Балканах

Описанные выше вторжения оказали сильное влияние как на политический строй, так и на этнический состав населения Подунавья и Балканского полуострова. Территория Римской империи, северной границей которой, после оставления Дакии в 275 году, стали Дунай, а с 453 года – Сава (ее течение вплоть до поворота у Сирмия), в связи с дальнейшим продвижением славян продолжала уменьшаться. Могущество римлян падало все более и более, особенно после 601 года, когда Дунай в последний раз упоминался как граница в договоре Маврикия с аварами; значительная территория была отторгнута от империи. Хотя некоторые провинции и префектуры и значились номинально в официальном перечне земель империи, но фактически они уже не принадлежали ей; когда же в VIII веке появилось новое деление на фемы, являвшиеся военными и гражданскими административными единицами⁵⁷, господство империи (Ro-mania) ограничивалось уже полосой земли на побережье Эгейского моря, Грецией (также, собственно, лишь названием) и узкой полосой на Адриатическом побережье.

С потерей земель были тесно связаны и большие этнические изменения. Перед приходом славян весь Балканский полуостров подвергся частично эллинизации, частично романизации, причем граница между этими зонами влияния проходила приблизительно от Лиссы (Леш), южнее Скодры (Шкодер), через Призрен, Скопле, между Нишем и Белым Паланком на одной стороне и Кюстендилом, Пиротом – на другой, далее – севернее Враце и Никополя. Это видно по тому, какой язык преобладает в сохранившихся надписях⁵⁸. Романизация северной области распространялась из двух центров: с одной стороны, из городов Далматского побережья, густо заселенного народами Италии (крупнейшими из этих городов были Салона, затем Эквум, Ядра (Задер), Нарона и Эпидавр), с другой стороны, из областей, прилегающих к Дунаю, точнее из колоний и крепостей, которыми были покрыты его берега. Отсюда романизация проникла,

хотя и не везде равномерно, и до центральных областей Балканского полуострова. Не может быть, однако, сомнения в том, что и в центральных областях, особенно вокруг колоний, древнее местное население было сильно романизировано в VI веке. Это доказывается наличием остатков этого населения, о котором речь будет ниже.

Первым ударом по романизации было разделение Римской империи после смерти Феодосия I в 395 году, так как граница между двумя половинами империи прошла приблизительно по линии, соединяющей Котор с Белградом, причем на восток от нее латинский язык, хотя и удерживал еще долгое время доминирующее положение (например, в армии), начал все же с VI века уступать греческому языку. Однако дальнейшая романизация, так же как и эллинизация, были невозможны ввиду того, что с распространением славянской экспансии здесь появились в VI и VII веках элементы новой культуры, хотя и невысокой, но сильной, здоровой и обладавшей необычайной творческой потенцией и способностью к ассимиляции. Правда, славяне охотно воспринимали достижения чужой, более высокой культуры и чужие обычаи, но при этом они не ассимилировались полностью и не теряли ни своего языка, ни специфических черт своей народности. Напротив, они сумели ассимилировать других. Огромные массы славян, завладев большей частью полуострова, прочно поселились здесь. Они частично уничтожили и вытеснили старое население⁵⁹, частично его ассимилировали, так что от прежнего населения сохранились лишь совсем незначительные группы, главным образом в районах Балканского массива. После завершения славянской оккупации общая картина была следующей.

Греки удерживались лишь на побережье Черного моря на юг от Девельта (Develtos) и на побережье Эгейского моря. Правда, славяне в некоторых местах проникли и сюда, к морю, но были здесь немногочисленны (кроме окрестностей Солуни); только этим можно объяснить более позднюю эллинизацию всей южной и восточной Фракии. В дальнейшем основным ядром населения в Элладе все же оставались греки, хотя и имеются некоторые известия о «славянизации» Греции, ибо ничем другим мы не можем объяснить относительно быстрое исчезновение славян, оккупировавших в VI веке Грецию и остававшихся там еще в VII и VIII веках. Но греческие колонии, захваченные на северном берегу Дуная в VII–VIII веках, славяне удержать не смогли⁶⁰.

Романский элемент сохранился после прихода славян прежде всего на западном побережье в Далмации и в прилегающей к ней части Боснии и Герцеговины, а также в некоторых центральных областях, образующих отдельные оазисы среди основной массы славянских племен. Население западного побережья, говорящее по-романски, именуется в источниках романами (Romani) или латинами (Latini) (так уже у дуклянского аббата), в отличие от ромеев (Ῥωμαῖοι), то есть византийских греков; романов, живших во внутренних районах, славяне стали называть *влахами* (ед. число – *влахъ*) или, в отличие от указанных выше латинов, – черные латины, Nigri Latini, Μαυρόβλαχοι, мавролахи, Morlachi, Morlacci, Murlachi (это название удерживается до настоящего времени у подошвы горы Велебит). Далматские «романе» говорили сначала на южноиталийском диалекте, затем переняли венецианский, но с течением времени и они постепенно подверглись славянизации. Уже в IX и в X веках славяне проникли на это побережье, поселились около городов, население которых начало брать в жены славянок; так в результате мирного сосуществования были постепенно славянизированы как последние романские острова Веглиа (Крк), Луссин (Лошинь), Арбо (Раб), так и последние романские города Трогир, Сплит, Дубровник и Котор. В XVII веке здесь вообще перестали говорить по-романски, а в 1898 году умер на Крке последний человек, знавший еще «таинственный язык», то есть последние остатки древнего романского языка⁶¹.

Внутренние влахи появляются в источниках лишь в XI веке в южной Македонии. Но расселились они очень широко⁶². Их центром в XIII и XIV веках была древняя Фессалия, называемая Βλαχία, а также Μεγάλη Βλαχία, в отличие от которой древняя Этолия и Акарнания

назывались Μικρά Βλαχία (Малая Влахия), а Эпир – Ἀνωβλαχία. Здесь они были сосредоточены главным образом по обоим склонам Пинда. Затем они упоминаются еще в различных местах Македонии, в Древней Сербии, Черногории, Герцеговине и вверх до Велебит, а также дальше на востоке между Нишем и Софией. Все эти вlahи были остатками древнего романизированного населения, вытесненного из романской области массовым продвижением славян на юг. Поэтому мы встречаем их больше всего на границе Греции. Другая часть была вытеснена с запада к Старой Планине и к Родопии, где до того времени их не было.

Часть этих внутренних романо-влахов подверглась позднее славянизации (название «влахъ» перешло в славянский язык и обозначало пастухов-горцев, живущих в горных селениях, называемых *katun*), другая же часть сохранилась и до настоящего времени на юге Македонии и на Пинде под названием аромунгов (*Агамапi*), мегленитов, цинцаров, аланов, куцовлахов, каракачанов. Каравлахами были более поздние пришельцы из Валахии⁶³.

Наконец, и формирование румынского народа на севере от Дуная тесно связано с этими романами центральных областей. Происхождение северодунайских румын древней Дакии очень сложно. Прежде всего в Дакии, несомненно, сохранились остатки древнего гетодакийского (фракийского) населения, а наряду с ними и остатки римских колонистов или романизированных даков. Затем там к ним присоединился значительный славянский элемент, а также различные тюрко-татарские элементы, но основное ядро составила, вероятно, группа романских племен, продвинувшихся из смежных областей Балканского полуострова, из верхней Мезии, Дакии (*Dacia ripensis* и *Dacia mediter-ranea*), Дардании; эти пришельцы в период средневековья продолжали продвигаться на север, соединив различные этнические элементы древней Дакии в новую этническую общность румын⁶⁴. Однако их движение на север не прекратилось в восточных Карпатах, они двинулись дальше, в русинские и словацкие области, и остановились лишь в XVI–XVII веках, достигнув восточной Моравии, восточная часть которой, в свою очередь, получила от них наименование «Валахия»⁶⁵.

Большинство оставшихся фракийских и иллирийских племен, сильно поредевших еще до прихода славян⁶⁶, постигла та же судьба, что и румын центральной части полуострова, — фракийцы исчезли совершенно. В VI веке источники в последний раз упоминают о фракийцах и о том, что в горах говорят еще по-фракийски⁶⁷, но затем фракийцы, за исключением бессов, исчезают из истории, и лишь некоторые племенные наименования, сохранившиеся у болгар, свидетельствуют, возможно, о том, что славяне общались еще с фракийскими племенами бессов, сапов и пайонов⁶⁸.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.